

Annotation

Десять лет назад мир изменился. Властитель Лино даровал людям исполнение заветных желаний. Наступила новая прекрасная эра, в которой каждый может получить то, о чем мечтал. И только я, девушка без имени и прошлого, не могу смириться с новыми порядками. Я хочу уничтожить того, кого называют богом.

Марина Суржевская

Глава 1. Назови свое желание

Глава 2. Я – не ворона!

Глава 3. Спаситель

Глава 4. Тайник

Глава 5. Фрейм из ледяных туннелей

Глава 6. Директор лжи и неожиданные открытия

Глава 7. Правитель Ночи и Грез

Марина Суржевская

Орден Лино. Эра исполнения желаний

– И что это будет?

– Может, история о богах. Или о демонах. Я так и не понял, в чем у них там разница. Или о том, что случается после конца света.

– Значит, история о сотворении мира? Правдивая?

– Шутишь? Такие истории не бывают правдивыми.

Глава 1. Назови свое желание

«Забудьте все, что вы знали раньше.

Первый Закон Лино (иные названия, применяемые в летописях – Закон Забвения или Закон Пустоты)»

Толстяк Марфис окинул меня ехидным взглядом и положил на стойку мятые купюры. Я внимательно осмотрела каждую, пересчитала.

– Половины не хватает.

– Все здесь, крошка. – Толстяк упер пухлые руки в мягкие объемные бока. От его замусоленного кафтана сильно несло пролитой бодягой,

кусочки картошки и лука. в окладистой бороде застряли

– Мы договаривались на шестьдесят. – Я попыталась не показывать отвращения. – А здесь лишь тридцать!

Марфис хохотнул, отчего его грудь заколыхалась, как у пышнотелой доярки.

– Забыла, крошка? Ты разбила пару стаканов! Я вычел ущерб из твоей

оплаты!

– Те стаканы были древнее мамонтов, с трещинами и отколотыми краями!

Они сами развалились у меня в руках!

– процедила я.

– Врешь! Новенькое стекло закупил, просто ты неумеха.

– Даже новые два стакана стоят пятерку, не больше! Мне нужны эти

деньги. Ты обещал!

– Тридцать, крошка. И ни монетой больше. Хочешь поспорить?

Я в отчаянии осмотрелась. У дальней стены таверны пылал огромный очаг, обложенный серым камнем. На полке вверху оплывали и нещадно чадили сальные свечи. Рядом с очагом сутилась с щипцами и котелками подавальщица Квета. Услышав звуки намечающегося скандала, она коротко глянула в нашу сторону и быстро отвернулась. Вдоль каменных стен тянулись деревянные столы и лавки, укрытые шкурами. С закопченных потолочных балок свисали пучки трав, связки репы, чеснока и копченостей, наполняя помещение непередаваемыми ароматами. С деревянных стен на меня таращились стеклянные глаза кабанов и медведей – толстяк устроил в таверне

настоящую охотничью берлогу. Интересно, эти чучела он честно купил на аукционе или загадал желание?

Скорее второе.

Жаль только, что вступить за меня в «Кабаньей голове» некому. Квета торопливо убежала на кухню, а возле очага несколько крепко подвыпивших завсегдатаев обсуждали последнюю игру «Отвязных летунов» и в нашу сторону даже не смотрели. Их гораздо больше интересовал кувшин крепкого пойла и гора жаренных в чесночном масле куриных крылышек. В темном углу таверны, куда не дотягивался свет камина, худой парень в потрепанном пальто без аппетита ковырял вилкой мясное рагу. Похоже, блюдо не слишком его

вдохновляло. На месте этого парня я вообще не стала бы пробовать стряпню толстяка Марфиса.

Отвернулась.

Марфис растянул жирные губы в улыбке.

– Ну так что, крошка?

Внутри заныло противное чувство, я уже знала, что ничего не добьюсь. Проклятый толстяк решил надуть посудомойку. И самое плохое, что я ничего не смогу доказать. Возле двери усмехался верзила Бук, его железные кулаки угрожающе поблескивали. В период Хаоса этот болван обзавелся титановыми руками. Девушки теперь обходят вышибалу стороной, зато в таких местах, как таверна толстяка Марфиса, Железный Бук нарасхват.

– Я буду жаловаться, – пробормотала я, зная, что моя угроза – пустая. Но надеясь, что этого не знает толстяк.

– Больше ты не получишь. – Марфис противно щелкнул языком и, улыбнувшись, наклонился ко мне через стойку. В лицо ударил ядреный чесночный запах. – Конечно, если не хочешь еще подзаработать. Может, приласкаешь старика? Так и хочется намотать на кулак твои красные волосы и увидеть в твоих глазках хоть какие-то чувства, ледышка! Я велю Квете освободить подсобку, там вполне удобная кушетка...

Я сгрэбла со стойки мятые купюры, сунула их в карман старой куртки.

– Лучше бы вместо кабаньих голов ты загадал себе хорошие зубы, Марфис. От тебя воняет, как от сдохшей в канаве псины, – процедила я, разворачиваясь к двери. – И учти, я буду жаловаться!

– Выметайся, крошка, – хмыкнул хозяин таверны. Он прекрасно знал, что может безнаказанно меня облапошить. – Или мне позвать Бука?

Верзила радостно оскалился, предвкушая расправу. Даже губы облизнул. Жуткая гадость!

Сдерживая желание пнуть со всей силы лавку, а лучше – самого Марфиса, я пошла к двери.

– Хотя если скажешь, на какое заветное желание копишь монеты, подкину тебе еще десятку, ледышка! – нагло крикнул мне в спину толстяк.

Пьяные мужики у камина заинтересованно обернулись, кто-то одобрительно засвистел, остальные ухмыльнулись. Черт, даже танцующая на столе голая девица не вызвала бы такого ажиотажа. Всем интересны желания. Всегда. В нашем мире это единственное, что

имеет

значение.

Мне очень хотелось послать толстяка в какое-нибудь гадкое и смертельно опасное место. Например, в Седые Земли. Но рядом все еще топтался Железный Бук и я воздержалась. Лишь мысленно пожелала Марфису однажды подавиться куриной ножкой, или что он там ест на ужин?

И мне бы молча уйти из «Кабаньей головы», но обида и злость бурлили внутри. А еще – бессилие. Меня обманули, а я ничего не могу сделать!

Я даже не могу загадать это проклятое желание!

Усталость взяла свое, и уже на пороге я обернулась.

– Мое желание? Лишь одно, толстяк. Найти Лино и оторвать его тупую голову!

Если бы той голой танцующей девицей была я – это не произвело бы столь ошеломляющего впечатления, чем брошенная в сердцах фраза. В один миг смолкли все разговоры и в таверне повисла изумленная тишина, кажется, даже огонь в камине съежился от страха и почти погас. Даже кабанья голова испуганно прикрыла стеклянные глаза, а чучело медведя в углу попыталось спрятаться в тень. Кто-то из выпивох громко икнул, тут же зажал себе рот ладонью и испуганно сполз под стол. Железный Бук вытаращился так, что я испугалась за его глаза.

– Соппротивление! – Один из выпивох, шатаясь, начал подниматься. – Ворона! Стервятница! Хватай! Лови ее!

Выпивохы, враз протрезвев, вскочили с лавок. Пламя огня взметнулось, рассыпая рыжие искры, Железный Бук заревел зверем, а Квета, выглянувшая из подсобки, оглушительно завизжала.

А я поняла, что пора уносить ноги. Прикусив свой болтливый язык, дернула тяжелую дверь таверны и вывалилась на скользкие ступеньки. Зима, чтоб ее! Здесь всегда зима. Это ведь Арвиндаль – город сумрака, снега и звезд. Порока и развлечений. Смерти и наслаждения. Королевство Ночи и Грез.

Не останавливаясь, я понеслась на задний двор, юркнула в дыру между досками и побежала, петляя мимо глухих каменных стен. Почти весь Арвиндаль состоит из лабиринтов узких подворотен, кривых улочек и туннелей, прорытых напрямик в льдине. Вся основная часть столицы находится на огромном айсберге, дрейфующем возле берегов полярной земли. И сейчас я неслась, обгоняя северный ветер, по крайней мере, мне так казалось. На черном куполе неба вспыхивали зеленые переливы северного сияния, сыпалась звездная пыль, заменяющая

в Арвиндале

солнечный свет. Золотые вспышки перемешивались с зелеными, и снег вокруг казался не грязно-серым, а разноцветным. Хотя на самом деле это был лишь обман. В первые дни после приезда я даже сгребла пригоршни снега и отнесла в комнату, чтобы рассмотреть его цвет. Серый и грязный, конечно!

Но сейчас было не до снега и его красок. Я неслась по узким улочкам, петляя как заяц. Мне чудилась погоня, настойчивые шаги за спиной, руки, тянущиеся, чтобы схватить и передать ищейкам. Но я не оборачивалась. Знала, что это глупая потеря времени.

Пронеслась через лабиринт тупиков, свернула в подворотню, скользнула в туннель, похожий на кроличью нору, и наконец почти вылетела на набережную. О, здесь меня ожидал совсем иной Арвиндаль! Широкая и бесконечно длинная набережная на берегу ледяного моря считается в Пяти Королевствах местом самых крутых и незабываемых развлечений. Здесь можно найти заведения абсолютно на любой вкус, каким бы извращенным он ни оказался. Здесь продают все, что можно продать – любовь, радость, страсть, счастье и веселье. На огромных сияющих террасах можно танцевать бесконечно – пока не сотрутся подошвы или пока не рухнешь без сил. В шикарных зеленых комнатах можно выиграть целое состояние. На кон тут ставят автомобили, заводы и даже целые города. А еще жизни – свои и чужие.

За высокими дверьми каменных башен и ледяных садов, украшенных статуями обнаженных красавиц и красавцев, бесконечно пируют богачи, а веселье переходит в разнузданные вечеринки, а то и дикие оргии. Набережная пахнет азартом, горячим вином, корицей и шоколадом, а еще – похотью и развратом. Ну и конечно – изысканными блюдами, которые подают в ресторанах за хрустальными окнами. Золотые звезды над шпильми вспыхивают и порой складываются в слова: «Эта ночь принадлежит тебе». Ночь, которая

не закончится.

Горящая огнями и восхищенными взглядами набережная Арвиндаля каждому подарит незабываемые впечатления. Конечно, если у вас хватит денег, чтобы их оплатить. А если купюры закончатся раньше, чем веселье заказчика, тот вполне может оказаться в подземельях айсберга, прикованный к стене и обреченный на рабское существование, пока не отдаст свой долг. Ну или вовсе – в ледяных водах полярного моря. Порой проигравшиеся в зеленых комнатах неудачники тут же перекочевывали в соседние – алые, где становились живыми игрушками для более удачливых посетителей Арвиндаля. Удивительно, но страшная перспектива все проиграть и лишиться жизни или свободы мало кого останавливала. Королевство Грез бурлит от желающих испытать свою судьбу и окунуться в разврат, а в гавани всегда стоят корабли, привозящие в столицу ночи целые толпы жаждущих

развлечения людей.

А вот я старалась держаться от набережной подальше. На дорогие удовольствия у меня все равно нет денег, а на игру – удачи. Зато сейчас

на набережной можно отлично спрятаться. Осталось лишь нырнуть в толпу, которая вечно шумит возле ледяного моря, предаваясь веселию, и меня уже точно не поймут!

И тут кто-то дернул меня за руку. Догнали! Все-таки догнали! Вскрикнув, я развернулась и не глядя ударила обидчика кулаком. Тот тихо охнул и рухнул на снег. И остался лежать.

Я отпрыгнула подальше. Воздух со свистом вырвался из сжатых губ, улетел облачком пара. Светящаяся тысячами огней набережная была совсем рядом, манила эхом веселых голосов и музыки. И мне бы бежать туда, не оглядываясь, прятаться в толпе, но...

Но я все-таки оглянулась. Хотя бы чтобы увидеть, кого именно я свалила. Толстяк Марфис? Железный Бук? Кто-то из выпивох,

сидящих на лавке «Кабаньей головы»? Ищейки?

На снегу лежал парень в потрепанном пальто. Он лежал, раскинув руки и бессмысленно таращась в звездное небо, с которого лениво падали

крупные, мохнатые снежинки.

Глава 2. Я – не ворона!

«Первые годы Эры Исполнения Желаний названы периодом Хаоса. Это темное время наполнено страхом, ужасом и смертями, потому что человеческие пороки оказались сильнее Дара, преподнесенного людям Лино. Слабые люди не сумели выдержать испытание заветными желаниями. Их пороки оказались сильнее мечты. Пороки невозможно истребить, ибо они часть человеческой души, а порой ее главное топливо. Единственное, ради чего человек живет. Поняв это, Лино едва не разрушил новый мир. Его горе не знало границ. Но потом Лино сказал: пороки нельзя истребить, ибо тогда придется стереть с лица земли и само человечество. Но пороки можно контролировать. Так сказал Лино. И создал Законы, следовать которым отныне обязан каждый житель Пяти Королевств.

Летопись Эры Исполнения Желаний»

Он что, умер?!

Паника сдавила горло удавкой. Я сделала испуганный шаг. Нет, я ведь не могла его убить? Я обычная девушка, даже довольно хрупкая... Хотя и этот преследователь – тощий. А вдруг он упал и ударился головой о какой-нибудь камень? Их наверняка полно под снегом... И все, как! Ой-ой! Да меня же посадят! Может, закопать его, пока не поздно? Или оттащить в сторону черных туннелей, ведущих прямо к сливу в ледяное море?

Ой-ой, о чем я вообще думаю?

– Эй, ты там жив?

Еще шаг. Ну все. Добегалась, Рид! Убила человека!

Я нервно оглянулась. Оживленная набережная совсем рядом, надо лишь развернуться и бежать, затеряться в толпе и забыть этот день. Мало ли дней, которые я забыла? Этот всего лишь один из многих. Надо

просто... бежать!

Так почему я все еще стою?
Еще один шаг.

Да это же тот парень из таверны! Зачем он потащился за мной? Темные волосы, словно перья на снегу. Цвет глаз в сумраке не

разобрать.

– Эй? Ты жив?

– Думаешь, у тебя удар как у того железного верзилы? –
Насмешливый голос заставил меня подпрыгнуть.

Жив! А теперь – беги! Ну беги же...

– А какого демона ты тогда свалился?

– Поскользнулся. Но я не против. – Парень вздохнул и вдруг закинул руки за голову, словно лежал не посреди улицы, а на собственном
диване. – Присоединяйся.

Ну все, приплыли. Очередной свихнувшийся чудик. Таких много. В период Хаоса многие поехали крышей, не выдержали изменений. Да и сейчас люди иногда теряют голову и уже не могут отличить реальность от выдумки. Живут в иллюзиях, бредят желаниями. Таких мы зовем потерявшимися. И этот, похоже, тоже из этих несчастных заблудших.

– Иногда стоит остановиться и просто посмотреть на снег, –
меланхолично произнес чудик.

– Что на него смотреть, – пробормотала я, все еще почему-то оставаясь

на месте. – Это же Арвиндаль.

Снег здесь навсегда.

– Но мы не навсегда, – отозвался этот ненормальный. – Поэтому иногда

надо смотреть.

И не отрывая глаз от неба, приглашающе похлопал ладонью по земле. Нет, это уже никуда не годится! Я же не собираюсь... Нет, конечно!

– Зачем ты за мной побежал?

Разговаривать с лежащим на снегу придурком было величайшей глупостью

и нелепостью. Но все же я любопытна. Как и все девушки.

– Ты правда Ворона?

– Нет! – возмутилась я. Не знаю, насколько искренне.

– Но хочешь оторвать Лино голову.

– Я пошутила, – нервно оглянулась. Такими словами не стоит разбрасываться. Это очень опасно. И лишь одна глупая девчонка иногда забывает правила. – У меня плохое чувство юмора. Совсемдохлое!

– Это не выглядело шуткой. – Парень все еще тарачился на падающие снежинки, а на меня не смотрел.

Возможно, поэтому я с ним говорила. Чего бояться? Пока он поднимется, я добежу до Звездного Дворца, в котором живет сам правитель Арвиндаля!

– Ты говорила искренне. Почему ты ненавидишь того, кого остальные

боготворят?

– Не твое дело, – несколько растерянно пробормотала я.

– Лино – бог. Его нельзя убить.

– Лино – человек.

Злость снова взметнулась внутри и обожгла горло. Так происходило всегда, стоило даже мысленно произнести это имя. Четыре ненавистные буквы, превращающие меня во взбешенного зверя без всякого волшебства. Лино. Лино. Ли-но! Ненавижу.

– Лино – человек. Как я и ты! Черт! Зачем я вообще говорю с тобой!

Он пожал плечами, и выглядело это несколько забавно, учитывая то,

что парень валялся на снегу.

– Может, больше не с кем?

– Что?

Я подавилась вопросом, потому что парень, еще мгновение назад безмятежно глазающий на звезды, начал подниматься. Неторопливо встал, отряхнул полы своего потрепанного пальто, поправил серо-голубой толстый шарф. С одного конца он сильно разлохматился и висел длиной бахромой до самых колен. На темных волосах парня остались снежинки. Так же медленно, словно у него было все время мира, чудик подошел ко мне.

И я снова не убежала. Возможно, я слишком любопытна. Себе же во

вред.

В вертикальной близости парень оказался на голову выше и не таким уж и тощим. Просто его черное пальто с двойным рядом тусклых пуговиц под серебро было на пару размеров больше, чем нужно. В свете фонаря я наконец разобрала и масть незнакомца. Волосы черные, почти до плеч, глаза светло-серые. Обычные, светло-серые. А ведь после Хаоса глаза и волосы у многих людей приобрели яркие, неестественные

цвета. Мои пряди

окрасились в кровавый цвет, который я ненавижу. Даже пыталась перекраситься, но увы, то, чем наградил Хаос, не изменить обычным красителем. Глаза же стали

желтыми, как у дикой кошки. Так что в зеркала я стараюсь не заглядывать, страшновато как-то.

Говорят, это последствия гнева и боли Лино. Бог был недоволен, поняв, что натворили люди, получив его дар заветных желаний. Так объясняют преобразования в храмах Ордена Лино, ну а ушлые газетчики пишут, что в тот год в мире исполнилось слишком много заветных желаний, воздух буквально звенел от материальных изменений и воплощений. Нашу реальность перекроили заново. Сталкиваясь и смешиваясь, желания породили магическую волну, которая накрыла всю землю и принесла вот такие странные эффекты. Волна создала пугающие места и существ, которых можно увидеть только в кошмарах. Силами Пяти Правителей волну и большинство тварей удалось выгнать в Седые Земли, называемые Королевством Тумана.

Но, похоже, этот парень преобразования избежал, по крайней мере выглядел он совершенно обычным. Нижнюю часть его лица скрывал шарф, и лишь когда незнакомец повернул голову, я смогла рассмотреть недовольно

поджатые губы и нос с горбинкой.

В общем, не красавчик.

Я сглотнула.

– Так зачем ты бежал за мной?

– Хотел поглядеть на Ворону, – дернул уголком губ парень.

Я продолжала стоять и смотреть на него, слегка вздрагивая от страха и навалившегося оцепенения. Эх, надо было бежать. А теперь что? Теперь все.

– Я уже сказала...

Парень вздохнул и потер переносицу.

– Ладно, забудь. Я просто решил прогуляться. Получилось довольно
неплохо.

И развернувшись, сунул руки в карманы и пошел в сторону узких кривых улочек. На непокрытую голову медленно падали снежинки.

– Эй, подожди, – отмерла я. – И это все?

Он пожал плечами, не оборачиваясь.

– Все.

Сделал еще несколько шагов, помедлил. И все же оглянулся.

– Я живу в шестом туннеле. Фрейм.

А потом просто скрылся в лабиринте ледяных улиц и заснеженных домов. Я посмотрела на свои замерзшие руки. На цепочку следов, которые уже заносил снег. На огни набережной. Неужели... пронесло?

Натянув шапку, я побрела к дому, вернее, тому месту, где временно обосновалась. Маленькую комнатку на чердаке с одной хлипкой кушеткой и продавленным креслом трудно назвать домом, ведь так?

Сердито топнув ногой, я стиснула зубы. Ничего, все это временно!

Вот

сделаю то, что задумала, и сразу отправлюсь

на юг! А еще лучше –

в Соларит-Вулс, буду валяться на белом песочке и любоваться морем!

Вот это жизнь!

Размечтавшись, я свернула с освещенного проспекта на темную улочку. Обостренный инстинкт опасности на миг заставил притормозить, всматриваясь во тьму. Но переулок был пустой, лишь у грязного мусорного бака рылась в отходах бродячая кошка. Я прошла вдоль глухой стены, уже предвкушая горячий чай и кусок припрятанной булки, которую с наслаждением съем.

И тут из тьмы шагнула фигура. Еще одна появилась позади, и я сжала кулаки, готовясь к атаке. Во тьме блеснул значок силовика.

– Вы арестованы по обвинению в причастности к незаконному сопротивлению. Пройдите с нами.

– Что? – завопила я. Крутанулась на каблуках. Черт, и почему я не послушала свой инстинкт? – Я не Ворона! Я не участвую в Сопротивлении! Я ничего не знаю! Вы не имеете права!

– Правосудие разберется, – невозмутимо отрезал тот, что стоял впереди. – Не пытайтесь бежать. Поднимите руки и встаньте лицом к стене.

Да конечно!

Я снова крутанулась, высматривая лазейку. Но широкоплечий силовик позади закрывал проход. Я бы ударила его ногой да попыталась проскочить, но этот гад уже запустил хронометр и предусмотрительно растянул сеть. Невидимую, вот только руки силовик

держал слишком характерно.

Обложили, сволочи!

Быстрый взгляд вверх убедил, что и на крышу не забраться.

Бродячая кошка мяукнула и скрылась в трубе, и я ей позавидовала.

– Эл Рид, вытяните руки и не пытайтесь сопротивляться.

– Но я не Ворона! Я не знаю, о чем вы говорите!

– Правосудие разберется, – непреклонно повторил силовик.

И пока я металась, не зная, как выбраться, набросил на меня сеть.

Ненавижу!

Тело мигом опутала слабо мерцающая паутина, спеленала меня, словно младенца в колыбельке! Руки и ноги стали непослушными и тяжелыми, но в противовес ощущениям мою тонкую фигуру не прибило к земле, а напротив, приподняло в воздухе. Силовик деловито намотал конец сети на руку, закрепил и потащил мое плывущее по воздуху тело. Слово я воздушный шарик, а не человек! Хотелось заорать или хотя бы сказать что-нибудь гадкое, но увы, в паутине невозможно даже это. Сеть полностью блокирует слух и голос. А самое поганое, что эта гадкая удавка совсем не греет, и тело без движения начинает быстро замерзать. Право, раз силовики додумались до сети, могли бы и улучшить ее свойства подогревом! В Арвиндале это просто жизненно необходимо, так можно и не дотащить обвиняемого до тюрьмы.

Впрочем, кому от этого хуже? Только самому обвиняемому!

Ругаясь про себя, я взирала на плывущие сверху звезды. Ну вот и полюбовалась! Точно накаркал тот сероглазый гад! Чтоб ему провалиться!

Правда, стоило подумать, что хуже некуда, как силовик дернул конец сети, и мое неподвижное тело перевернулось в воздухе лицом вниз. Теперь я видела лишь сугробы, протоптанную тропинку и сапоги мужика,

шагающего впереди. Не слишком чистые, кстати.

Когда я почти перестала чувствовать окоченевшие руки и ноги, силовики, наконец, добрались до серого здания местной тюрьмы. А занеся мое плывущее тело в помещение, сняли сеть. Я рухнула на пол, приложившись пятой точкой. Кряхтя, перевернулась и села, с ненавистью рассматривая ухмыляющиеся лица ищеек.

– Ну что, Ворона, может, сразу во всем сознаешься? Сэкономишь нам

время, а себе – здоровье?

Мужики радостно рассмеялись, находя шутку забавной. Идиоты!

Смешно мне не было. Обвинение в причастности к запрещенному пернатому объединению – это серьезно. За такое можно и правда здоровья лишиться... А то и жизни.

– Я не Ворона! – давя в себе злость, пробормотала я. Черт, кажется, даже язык замерз и теперь с трудом ворочается во рту, отчего слова получаются хрипыми и – вот же гадство! – каркающими!

Силовик, стоящий слева, рыжебородый и здоровенный, указал мне на железный стул посреди комнаты, ножки которого были привинчены к полу. Верно, чтобы хрупкая девушка в моем лице не прибила двух ухмыляющихся гадов.

– Присаживайтесь, обвиняемая. Беседа будет долгой, это мы вам обещаем. Так что располагайтесь поудобнее!

Я села, упрямо выпрямив спину.

Рыжий бородач вольготно устроился возле окна, второй силовик – тщедушный и носатый – сел за стол. Очень медленно он достал из ящика лист бумаги, карандаши для письма и лезвие. И принялся очень тщательно точить грифель. Вжик-вжик. Тоненькая стружка завернулась красивой спиралью и легла на бумажку. Вжик-вжик. И снова. Я бы даже восхитилась такому искусству и посоветовала силовнику сменить профессию. Правда, он мог стать выдающимся точильщиком карандашей!

Если бы так сильно не раздражал своим вжик-вжик!

– Итак, уважаемая Эл Рид, – закончив с грифелем, силовик испробовал карандаш на бумаге и довольно ухмыльнулся, подняв на меня водянистые глаза.

– Я предпочитаю просто Рид, – прохрипела я из глупого упрямства.

Впрочем, силовика мой выпад лишь позабавил.

– Итак, Эл. Расскажи нам о ваших друзьях.

– Каких друзьях?

Силовик склонился над столом, душевно заглядывая мне в глаза.

Ну ни дать ни взять – заботливая мамочка!

– Эл, вы очень милая и, я уверен, законопослушная девушка. Ну не может красавица с таким прелестным личиком быть бессовестной нарушительницей законов и устоев нашего чудесного общества. Вы согласны?

Я усердно закивала. Не может, конечно, не может! Я вообще ромашка в чистом поле! Хотя про прелестное личико он, конечно, мне польстил.

Силовик тоже покивал, соглашаясь. И чиркнул грифелем по бумаге. Вжик! Я ощутила настойчивое желание кинуть в ищейку чем-нибудь тяжелым. Может, он этого и добивается?

– Вот и я уверен, что не может! Я сразу сказал своему напарнику: смотри-ка, Гринтавельд, какое невинное и красивое создание, заблудшая душа, которую просто нужно направить на истинный путь. Она всего лишь потерялась! Вы ведь потерялись, Эл?

Носатый радушно улыбнулся. Взгляд его стал расфокусированным, один глаз полностью затянулся синевой – это значит, силовик подключился к Новому Единому Реестру, где хранилась информация обо всех жителях Пяти Королевств. Силовики, ищейки, судьи и дознаватели имели доступ в эти кладовые знаний и могли в любой момент прочитать информацию. По крайней мере, за последние десять лет.

Рыжий возле окна размял шею, и она издала неприятный хруст.

– Так-так... А вот и наша Эл Рид... Зарегистрирована в Боргвендаме. Далековато ты забралась от Боргвендама, девочка.

– Куда хочу, туда и еду, – буркнула я. – В Арвиндале рады всем.

Кажется, так написано при въезде в гавань!

Ищейка хмыкнул, продолжая просматривать мои данные.

– Так-так. Эл Рид, ориентировочно – двадцать пять лет.

Я хмыкнула на этих словах. Ну да, ориентировочно. А сколько на самом

деле?

– Постоянной работы нет, – продолжил ищейка. – Как и постоянного места проживания. Перебивается случайными заработками. Зато имеются три условных наказания за хулиганство и нарушение общественного порядка. И одно задержание за воровство.

Носатый прекратил читать краткий перечень сведений обо мне и снова улыбнулся, словно информация его несказанно порадовала.

– Я не воровала! – вскинулась я негодуя. – Меня обвинили по ошибке! И отпустили!

– Да-да, я вижу. Обвинитель забрал свое заявление. Решил не портить жизнь такой... красивой и сговорчивой девушке? – Рыжий понимающе

хмыкнул.

А я ощутила, как поднимается внутри волна злости. И опустила голову,

чтобы скрыть опасный блеск своих желтых глаз. Лучше пусть и дальше считают меня прелестной. И да – сговорчивой.

– Я уверен, что вы совершенно невиновны, милая Эл, – душевно пропел

тщедушный.

Я глаз не подняла, даже когда чиркнул по бумаге грифель: вжжжик!

Ненавижу этот звук!

– Да, такая замечательная и покладистая девушка точно не может быть злостной нарушительницей и преступницей. Ты согласен со мной, Гринт? – Рыжий промывал что-то неразборчивое. – Вот именно! И потому прелестная Эл не будет чинить препятствий следствию и сейчас все быстренько расскажет. Начнем! – Снова противный звук грифеля по бумаге. – Как вы попали в Сопротивление, именуемое Сообществом Ворон? Кто вас туда привел? Сколько лет вы состоите в этой банде? Как зовут ваших подельников? Где они живут? В каких преступных делах вы участвовали? Что знаете о лидере группировки, так называемом Когте? Видели его? Знаете?

– Что? – Моя голова дернулась, глаза, кажется, вылезли из орбит, а рот сам собой открылся и больше не закрывался! – Что вы говорите? Я ничего не знаю! Я же сказала!

Рыжий ухмыльнулся почти весело.

– Эл, ну что же вы, – неприятно цокнул языком тщедушный. – А с виду такая милая девушка. Мы думали, вы хотите помочь следствию, желаете сотрудничать, а вы...

– Я желаю! Но я ничего...

– А сами врете, умалчиваете важные сведения о преступниках, подрывающих устои нашего славного общества, – с явным удовольствием произнес тщедушный. – Как нехорошо!

– Я ничего не знаю... – От злости и бессилия хотелось кого-нибудь

покусать. Или это я просто проголодалась?

– А вот почтенный господин Марфис Брум, владелец магазинов и таверн, в том числе той, где вы работали последний месяц, утверждает обратное. Он, как добропорядочный господин, заявил о ваших злодеяниях. Благородно простил вам перебитую посуду и пропавшие серебряные ложки, но вот на вашу причастность преступному сообществу не смог закрыть свои честные глаза.

– Какие серебряные ложки? – изумилась я. – Да у толстяка Марфиса

сроду таких не водилось!

И прикусила язык. Понятно, что все напрасно, зря я сотрясаю воздух. Эти двое силовиков наверняка не раз просиживали у толстяка

штаны, распивая горячее пиво и поедая чесночные гренки. Пройдоха Марфис решил упечь посудомойку в казематы, побоявшись, что она снова начнет требовать свою плату. А может, просто надумал выслужиться перед властью Арвиндаля. Все знают, что у силовиков есть план на поимку Ворон. Вот они и стараются... Толстяк теперь в двойном выигрыше – и от меня, глупой, избавился, и заслужил похвалу силовиков. Так что в следующий раз они закроют глаза, если в тавернах Марфиса случится какой переполох или нажалуются облапошенные

посетители.

И кто меня за язык потянул, зачем ляпнула про заветное желание?

Ведь никогда и никому...

Я застыла, сузив глаза, невидящим взглядом уставившись в пространство и не слыша вопросов носатого. Не могла я это сказать. Несмотря на усталость и злость – не могла! Не первый день живу на свете и знаю, что некоторые вещи говорить нельзя! Ни за что!

Значит, вариант один. В том месте, где я стояла, висел какой-то запрещенный предмет, вроде «раскрывателя тайных мыслей», который нельзя использовать в быту. Вещица, созданная заветным желанием в период Хаоса, дорогая и опасная. И очень полезная для таких

прохиндеев, как толстяк Марфис! Ляпнет подвыпивший путник свои тайные мысли, выйдет из таверны, а тут его уже ждут силовики! И план по поимке злостных преступников выполняется, и все довольны! Ну если не считать несчастных нарушителей, которые таковыми и не являются!

Выходит, толстяк и эти двое ищек в сговоре, и убеждать их в своей невинности – бесполезно. То, что я сказала в таверне про Лино – это ужасно. А быть частью Сопротивления – это серьезное преступление. Очень серьезное.

Что же делать?

Подняв голову, я взглянула на силовика за столом.

– Хотите нам что-то сказать? – почти весело спросил тщедушный.

– По закону вы обязаны сообщить о моем задержании, – сипло произнесла

я.

– Так у тебя нет никого, крошка. Кому же сообщать?

– Есть. Вы обязаны. По закону. Кому я скажу! – на одном дыхании выдала я. – Фрейм! С Ледника! Шестой туннель! Я хочу, чтобы вы оповестили

его о моем задержании!

Силовики переглянулись, рыжий пожал плечами. Похоже, названное имя им ни о чем не говорило. Я же выдохлась и снова опустила голову.

– Ну что же, – махнул рукой носатый и издевательски добавил: – Все для нашей дорогой госты! Какое сообщение вы хотите отправить? Устное или письменное?

Я замерла, лихорадочно соображая. Устное означает, что где бы ни находился в данный момент Фрейм, над его головой откроется крошечное окошко – пространственный разрыв размером с булавочную головку – и оттуда прозвучит послание. Подвох в том, что в шумной толпе его невозможно услышать, к тому же адресат может в этот момент спать. Ну или заниматься любым другим делом, не позволяющим услышать секундное сообщение извне. Очень тихое, между прочим!

Письменное давало гарантию на прочтение, но вот беда – за него надо внести дополнительную плату, и немалую! По закону мне полагалось

лишь устное.

– Сколько стоит второй вариант? – вскинулась я.

– Вижу, ты знакома с порядками, – хохотнул тщедушный. – Две

сотни

рогатых. Но для тебя сделаю скидку. Сто
восемьдесят!

Я похолодела. Сто восемьдесят купюр с изображением черного
единорога – символа Лино. Символа нашего мира. Говорят, в
древности единорог считался волшебным зверем, способным творить
магию. И изначально его изображали белым. Но человеческие пороки
окрасили

чародейство в черный.

Но сейчас меня мало занимала история единорога и вообще
история. За месяц в компании противного толстяка Марфиса и гор
немытой посуды мне обещали всего шестьдесят монет, а отдали лишь
половину! Конечно, у меня не было денег, чтобы заплатить ищейкам.
Откуда... И два гада со знаком скалящегося пса на форме это
прекрасно знали!

Я высоко задрала подбородок.

– Прошу отправить устное послание. И зафиксировать в Реестре!
Тщедушный потер острый выпирающий подбородок и хмыкнул.

Вжикнул грифелем по бумаге, включил передатчик. Водянистые глаза
снова затянулись синевой, значит, подключился к Реестру. Над головой

мужика появился сгусток. Тонкие губы силовика вытянулись в
трубочку, и гад прошамкал:

– Послание для Фрейма. Эл Рид задержана по обвинению в
причастности к запрещенной организации Сопротивления и
отправлена в казематы до дальнейшего разбирательства. Конец
сообщения.

Точка над его плешивой головой завернулась воронкой и исчезла.
Я

подавилась от возмущения.

– Но вы сказали это слишком тихо! И невнятно! Даже я ничего не
смогла разобрать! Вы должны повторить сообщение! Да он же ничего
не услышит!

– Послание отправлено и доставлено, – мерзко усмехнулся
негодай. – Мы чтим закон, в отличие от преступников. Ну а теперь
самое время признаться в своих злодеяниях.

Я сникла. Все понятно, ничего не докажу. На что я вообще
надеялась? Да даже если этот сероглазый Фрейм услышит и разберет
шамканье силовика, кто сказал, что парень мне поможет? Скорее
отмахнется с недоумением, не понимая, кто такая вообще эта Эл Рид!
Ведь

он даже не знает моего имени!

Холодок ужаса прокрался за шиворот и потек по хребту.

Следующий час я провела так же. Сидела на железном стуле, молчала и слушала завывания и уверения носатого. Рыжий верзила периодически хрустел шеей и скалился, видимо, чтобы я не расслаблялась. Но ничего внятного они от меня так и не добились, поэтому решили отправить в камеру, пообещав продолжить с утра.

Я с трудом встала – ноги затекли.

– Ничего, ты нам все расскажешь, – ласково пообещал носатый. – У нас все и всё рассказывают. Ты уж поверь.

– Орденом Лио запрещены любые пытки, – пробормотала я.

– Кто говорил о пытках? – хмыкнул рыжий. – Всего лишь посидишь в камере. Ну а то, что она внутри льдины, да без отопления, так

в этом мы не виноваты! Это тюрьма!

Негодяи рассмеялись, я поежилась. Значит, вот что меня ждет... На айсберге не принято шутить с холодом. Живот свело от дурных предчувствий,

но я лишь выше подняла голову, не показывая страха.

– Ладно, хватит болтать, двигай ногами, – одернул меня рыжий верзила. – Для начала здесь посидишь, не станешь сговорчивее,

отправишься в карцер! А там гораздо хуже, уж поверь мне!

Меня потащили куда-то по узкому коридору и впихнули в крошечную комнатку. Здесь я привалилась к стене, глядя на круглое окошко под потолком. В него смотрелась одинокая звезда – холодная, недоступная, совершенно равнодушная к судьбе девушки по имени Эл Рид.

В углу камеры виднелась дыра-нужник, вдоль стены тянулась не кровать, а полка. Даже мне на ней будет неудобно, что уж говорить о людях с более плотной фигурой! Впрочем, кого волнует неудобства преступников... или то, что они голодны, замерзли и чертовски испуганы? За свою недолгую жизнь мне доводилось бывать в передрягах, но так серьезно я попала впервые.

Сжав зубы, я снова уставилась в окошко. Одинокая звезда в небе растянулась

цепочкой, словно размножилась.

Глава 3. Спаситель

«Исполнение заветного желания не должно вредить другому

человеку или миру. Исполнение не должно затрагивать интересы другого человека. Желание не должно существенно влиять на мировой или природный порядок.

Второй Закон Лино. Закон гуманизма и экологичности»

Сколько прошло времени, я не знала. Мне показалось – невыносимо много. Хотя скорее всего не более получаса, золотое сияние лишь раз осветило небосклон. Я как могла куталась в свою куртку и жалела о варежках, оставшихся в «Кабаньей голове». Я так торопилась оттуда сбежать, что не зашла за ними в подсобку. Начиная замерзать, я принялась подпрыгивать и отжиматься, чтобы согреться.

И тут лязгнула дверь.

– Эл Рид, на выход!

«Ну все, в карцер поведут...» – мелькнула трусливая мысль. На негнущихся ногах я вышла в коридор и остановилась, не поднимая глаз.

– Эй, ты там что, реवेशь? – произнес странно знакомый голос.

Передо мной стоял сероглазый Фрейм. С момента нашей встречи он ничуть не изменился – все то же жуткое и огромное пальто с поднятым воротником, серо-голубой шарф крупной вязки, темные волосы

и слегка рассеянный взгляд.

Но он пришел! Пришел! И кажется, никому в жизни я так не радовалась!

– Ты все-таки услышал мое послание! – Я едва сдержалась, чтобы не

завопить.

– Это было не так-то просто, – криво улыбнулся парень. – И еще понадобилось время, чтобы сообразить, кто такая эта Эл. Скажи спасибо, что у меня хорошая память, а толстяк Марфис проорал напоследок твое имя. Решил освободить хотя бы затем, чтобы узнать, почему тебя так странно зовут.

– После Забвения мне показалась родной лишь одна буква, – несколько смущенно буркнула я. – И это была Л. Я решила так и

назваться.

Фрейм не стал говорить, что это странно. И за это я тоже была ему благодарна. Парень лишь сильнее уткнулся носом в свой шарф и развернулся

к выходу.

Парень повернул ко мне голову, и в светлых глазах на миг блеснуло удивление. Словно он вообще забыл обо мне и сейчас пытался вспомнить, кто я такая и почему с ним разговариваю. Но потом молча кивнул.

До нужного переулка я поймала сани, запряженные ледяным медведем. В Арвиндале они – самая доступная и дешевая тяговая сила. Лда здесь хоть завались, умельцев, способных выточить из глыбы грубое подобие животного – тоже. Ну а заветное желание делает все остальное. Поначалу, говорят, изо льда ваяли коней, но благородные скакуны оказались непрактичны, их тонкие ноги слишком быстро ломались. Да и тяжелы в исполнении. Куда проще изготовить квадратную глыбу, отдаленно похожую на белого медведя. Правда, лдянки недолговечны – даже толстые конечности стачиваются довольно быстро. Но их тут же меняют на новых, а отслуживших просто разбивают на части или сбрасывают в море.

Элита Арвиндаля, конечно, предпочитает разъезжать в санях с настоящими, живыми медведями, ну а остальным приходится довольствоваться ледяными.

Мы с Фреймом влезли в сани на длинных полозьях. Погонщик махнул кнутом, на конце которого светился желтый огонек. На него лдянка и ползла. Двигался такой экипаж ненамного быстрее пешего шага, но скамейки саней устилали ватные одеяла и шкуры, а на полу стоял горячий ящик с углем, на который можно было поставить ооченевшие ноги. Так что я с наслаждением уселась и протянула ладони к пытящей и плюющей черным дымом печке. Какое же счастье – наконец согреться! Да за такое не жалко отдать несколько монет! Конечно, для большего удовольствия не мешало бы и поесть, но даже просто дышать теплым воздухом – уже радость!

Ехали мы недолго. Расплатившись, я двинулась к железной лестнице
снаружи дома, она как раз вела на мой чердак.

Фрейм молча поднялся вслед за мной, вошел. Осмотрелся. Хотя смотреть было особо не на что, обычная комната – кресло да кушетка. Зато теплая и сухая.

– А где же единорог? – осмотрелся парень. – Разве он не должен присутствовать
в каждом доме?

– Крыша протекла, и изображение стерлось, – буркнула я, не став уточнять, что та протечка образовалась совсем не случайно. – А

обновлять изображение рогатого – обязанность хозяина дома. Но он греет кости в Соларит-Вулсе, так что пока – никаких единорогов. Прости, у меня здесь не слишком уютно, – извинилась я. – Съемное жилье,
знаешь ли... Садись туда, я согрею воду.

Парень устроился на единственном потертом кресле, я же метнулась
к прибитой к стене

доске, которая служила мне столом. Включила чайник, порадовавшись, что сегодня есть электричество, достала припрятанное овсяное печенье и сахарную карамель. Все это добро высыпала на тарелку, кинула в шербатую чашку несколько чаинок. Подумала и добавила еще щепотку – последнюю, решив, что гость не оценит бледный до прозрачности напиток.

Когда чайник запыхтел, разлила воду по чашкам и вернулась к креслу. Постояла, раздумывая – стола-то больше не было. И разместила угощение на полу.

Сама уселась на край низкой кушетки, застеленной клетчатым пледом.

– Спасибо, что вытащил меня, – со всей возможной теплотой выдавила я. – И извини... У меня никого нет в Арвиндале. Много заплатить

пришлось? Ты не думай, я все отдам. Заработаю и отдам.

– Заветное желание, – пожал плечами парень.

Я охнула. Вот же гады! Сволочи! Негодяи! Да это же незаконно!

Как они смели!

– Денег у меня не было, – развел руками Фрейм и посмотрел на кружку, в которой кружились чаинки.

– Но как же так! – отчаянно пробормотала я. – Это же желание!

Сколько всего их у тебя было?

Сероглазый махнул рукой, не отвечая. Осторожно поднял кружку, обхватил длинными пальцами. И я почему-то засмотрелась на его ладони.

– Желание я отдать не смогу, – глухо проговорила я, резко отвернувшись. – У меня его просто нет. Вот смотри!

Я торопливо задрала рукав, показывая совершенно чистое запястье. Там, где у счастличиков золотится треугольный знак – схематичное изображение рога. Чем больше таких знаков, тем больше заветных желаний можно исполнить. Но у меня там было пусто.

– Видишь? Я не вру. Желаний нет. А заработать на них... – Я нахмурилась и махнула рукой. Заработать на такой знак можно, но

точно не посудомойкой в таверне «Кабанья голова»! А мои руки изначально были без золотых знаков. Не всем полагается заветное желание. Фрейму вот повезло, но вряд ли у него было больше одного. Остальным же и вовсе приходится много работать, чтобы накопить на мечту.

– У нас все знают, что не стоит связываться с толстяком Марфисом. Он редкостный мерзавец, облапошит и глазом не моргнет, – протянул парень. Чай он так и не отпил, только смотрел в глубину чашки.

– Это я уже поняла, – со вздохом признала я. – Но когда я приехала в Арвиндаль, единственная работа, которую удалось найти – это посудомойкой у толстяка. На набережной со мной даже разговаривать не стали! А сволочь Марфис и денег не заплатил, и силовикам меня сдал! Но что теперь сожалеть! – Я помолчала, успокаивая злость. – Что ты хочешь взамен? Могу отдавать деньгами. Небыстро, конечно... Черт! Я даже не знаю, сколько понадобится времени, чтобы столько заработать. Но я что-нибудь придумаю, поверь мне!

Фрейм поднял на меня взгляд. И я замерла, как-то остро вдруг ощутив его присутствие в этой комнате. Вот странное дело, минуту назад я ничего не чувствовала, будто находилась одна, а сейчас парень словно включился и заполнил собой весь чердак. Своим запахом – легким и свежим, своим взглядом – серым и тревожным. И я вдруг ощутила себя белкой, случайно попавшей под прицел охотничьего дробовика.

Но длилось это лишь миг. Фрейм пожал плечами и наконец сделал глоток. Отвел взгляд.

– Рогатые мне не помешают. Давно хочу купить новое пальто.

Я вскочила, вытрясла из кармана все, что было, высыпала горкой на

пол, возле ноги парня.

– Здесь немного, но я заработаю еще! Клянусь!

– В Арвиндале? – хмыкнул он. – Вряд ли ты найдешь работу лучше, чем у Марфиса. Чтобы устроиться на набережную, надо заплатить кому следует, тем же ищейкам. Там даже место посудомойки стоит немалых денег. А в туннелях ты много не заработаешь. Ну разве что пойдешь на верфи или устроишься чистильщицей рыбы. Но сомневаюсь, что ты справишься с таким делом. Слишком... тонкая.

Я нахмурилась. Чистильщиц я видела – громогласные и грузные женщины, закутанные в пуховые платки и обутые в меховые валенки. Целый день они стояли на пристани и потрошили, потрошили огромные кучи пучеглазых серебристых рыбин, которых вываливали из сетей рыбаки. Во все стороны летела чешуя и внутренности, а чистильщицы смеялись и делились друг с другом сплетнями и подробностями своей личной жизни.

От этой перспективы я содрогнулась, а парень слегка улыбнулся.

– Говорю же, это не для тебя. Что ты вообще забыла в Арвиндале?

Неужели тоже мечтаешь разбогатеть в зеленых комнатах?

– Вот еще, – буркнула я.

Фрейм окинул меня взглядом поверх кружки. И снова его присутствия стало слишком много.

– Я приехала на праздник Великой Жертвы, – несколько растерянно пробормотала я. – Хотела кое-кого увидеть.

– А говоришь, никого здесь не знаешь.

– А я и не знаю! Но надеялась познакомиться! – Я помолчала, напряженно размышляя, что можно сказать этому парню. По правде, выглядел он не слишком заинтересованным, скорее его тяготила и я, и его присутствие в этой комнате. Вероятно, уже жалеет, что вообще помог залетной девчонке. И кстати, непонятно – почему помог. Может, я ему понравилась, и он рассчитывает на... благодарность?

Я с подозрением уставилась на гостя.

Фрейм следил за кружением чаинок в своей кружке, и я вздохнула. Непохоже что-то. Да и кто станет отдавать за обычную человеческую близость с незнакомкой заветное желание? Это же Арвиндаль – город похоти и разврата! Да за желание здесь можно купить самую умелую красотку из алых комнат! Да что там, за желание можно развлекаться с целой толпой красоток!

– Я хотела увидеть Лино, – брякнула я. Фрейм поднял удивленный взгляд, и я затараторила: – В газетах писали, что День Великой Жертвы Лино проведет в Арвиндале. И будет участвовать в праздничном шествии вместе с Правителем Королевства Ночи и горожанами. Болтали даже, что он исполнит желания всех присутствующих... Но в это я, конечно, не верю, газеты вечно врут и приукрашивают! Не будет он исполнять все подряд желания. Может,

для видимости и выполнит парочку, но наверняка это будут желания богатеев. Но я... Я просто хочу его увидеть.

– Три недели назад в газетах написали, что Лино передумал и уехал в Соларит-Вулс. Разве ты не читала?

– Что? – выдохнула я.

Соларит-Вулс? Но как же так! О боги! Последний месяц я работала у толстяка Марфиса и берегла каждую монету, надеясь купить место в шествии! Чтобы подобраться к Лино поближе! И конечно, я не читала свежих газет!

– Сволочь! – Я треснула ладонью по кушетке и чуть не взывала, ударившись о деревянный каркас.

В прозрачных глазах Фрейма вспыхнул интерес.

– Ого. А ты и правда к нему равнодушна.

Я накрепко сцепила зубы, чтобы не брякнуть правду. Что я ненавижу человека, которого боготворит весь мир!

Гость откинулся на спинку кресла, внимательно рассматривая мое лицо. Уголки его губ дрогнули и слегка приподнялись.

– Может, ищейки не так уж и ошиблись? Интересно, что ты хотела сделать на том шествии? Конечно, если бы смогла оплатить участие и если бы Лино все-таки приехал?

Я сжала еще и кулаки. Что-что! Всадить нож в ребро этого гада! Оторвать его голову! Уничтожить! Осуществить свое заветное желание!

Губы Фрейма растянулись сильнее, и он насмешливо фыркнул.

– Не знаю, чем тебе не угодил наш бог, но неужели ты правда рассчитывала, что сможешь к нему подобраться? Да его охраняют так, что ты не увидела бы и макушку Лино! Вокруг него всегда толпа ассасинов, наделённых такими способностями, что тебе и не снилось. Железный Бук рядом с ними просто безобидная букашка. И это не считая того, что Лино – бог. По одному лишь его желанию твое сердце перестанет биться. Твоя кровь закипит в венах. Или язык распухнет, и ты не сможешь дышать. Он может убить тебя одним лишь взглядом. Ты не смогла бы навредить богу.

– Лино – не бог! – завопила я.

И заткнула себе рот ладонью. Ну же, Рид, не повторяй своих ошибок! Ты уже едва не поплатилась за них!

– Он – человек, – уже тише, но так же упрямо произнесла я.

– С чего ты взяла?

– Я знаю, – снова прикусила язык.
Фрейм насмешливо улыбнулся.

– Почему ты так его ненавидишь?

– Потому что я не сошла с ума, как все на этой планете!

– То есть весь Орден Лино – сумасшедшие? Пять Правителей – сумасшедшие?

В прозрачных глазах парня зажегся огонек, но я никак не могла понять, что за чувство стало его топливом. Может, злость? Или неприязнь?

– И все Пять Королевств населяют сумасшедшие? Все жители земли – сумасшедшие? Лино обожают и превозносят, он Верховный Властитель и кумир миллионов. Он осуществил наши заветные желания. Почему же ты думаешь иначе?

– Лино – сволочь и гад!

Черт, все-таки не сдержалась. Ну почему это имя всегда развязывает мне язык! Впрочем, неудивительно. Даже лампочка под потолком стала светить чуть ярче. Слишком частое употребление имени бога тоже обладает магической силой. И может наказать. «Не произноси имя Лино без серьезной надобности» – один из постулатов священного

писания.

Надо быть осмотрительнее.

– Он – просто человек, – упрямо повторила я. – И он виновен во всем, что с нами случилось.

– А что с нами случилось?

Я прикусила язык. Замолчи, замолчи, Рид! Конечно, этот сероглазый Фрейм, как и миллионы людей на всей планете, не знает истины. Не помнит ее. В священном писании Ордена говорится о том, что одним из желаний Лино стало Забвение. Проклятый бог пожелал лишить памяти всех жителей нашей планеты. Всех! Он просто стер всех нас! Разорвал родственные связи и обнулil память. Люди сохранили все свои навыки, но забыли, кто они.

– С нами случилась Пустота, – выдохнула я.

Серые глаза Фрейма блеснули, словно две начищенные монеты. Он

поднял брови и процитировал всем известные строки из Летописи:

– «Мир был болен. Смертельно болен. Люди забыли о своем предназначении в погоне за наживой и личным обогащением. Люди

врали и предавали, завидовали и ненавидели, поставив личные мотивы выше всех остальных. Агония этого мира породила страшные катаклизмы. Мир содрогался от войн, стихийных бедствий и страшных болезней. И однажды Лино понял: чтобы исцелить этот мир, необходимо разрушение и обнуление. Необходимо забвение, чтобы начать все с начала. Чтобы никто не знал, кто перед ним – друг или враг. Родной или чужой. Это стало гарантом нового мира. И для этого были

необходимы Пустота и Забвение».

– Я знаю, что написано в этих чертовых заветах Ордена, – буркнула я недовольно. – Все это знают. Легко говорить

о
необходимости Забвения, если мы не помним, что было до него!

– А зачем нам помнить? – Фрейм пожал плечами. – Лино дал людям возможность начать сначала, разве это не благо? Ну и потом... самое главное. Он дал нам заветные желания. Каждому. Возможность получить то, чего мы больше всего хотим. Разве это не чудо?

– Не все желания исполняются, – процедила я, и парень снова пожал
плечами.

– Ты про убийство? Я слышал, что в период Хаоса, еще до Забвения, можно было загадать даже это. Можно было пожелать абсолютно все, чего захочешь, и это исполнялось. А потом Орден ввел ограничения, а Лино написал Законы. Как раз после того, как с лица Земли исчезла большая половина человечества. Люди получили такой невероятный Дар, как заветное желание, но большинство решило потратить его не на создание чего-то прекрасного, а на уничтожение другого человека. На убийство. Заветным желанием почти каждого стало уничтожение соперника, бывшего любовника или просто неприятного соседа сверху, который слишком громко слушает музыку. Разве это не подтверждает, что Лино был прав? Мир был болен агрессией и злобой, мир нуждался в лечении. И в Забвении. Так что загадать убийство теперь не получится. Хотя за большую кучу рогатых можно просто нанять хорошего ассасина. Говорят, раньше люди так и поступали. – Губы парня дрогнули. – Правда, никто из профессиональных убийц не возьмется за убийство основателей Ордена. Не говоря уже о самом Лино. Нет дураков, решивших убить бога.

– Есть, и ты это знаешь! – Я вскочила, не в силах усидеть на месте. – Все слышали об этом человеке. Похоже, он тоже не в восторге

от Ордена и всей этой гадости с заветными желаниями. А еще он лидер Ворон. Лидер Сопротивления. Его называют Коготь, – едва слышно

произнесла я имя главаря.

Фрейм снова хмыкнул и поднялся. Глянул сверху вниз. И неожиданно мне почудилось, что этот парень старше, чем кажется на первый взгляд. И... страшнее.

Совершенно необъяснимое, иррациональное чувство холодом прокатилось по спине и сжало сердце. На миг я испугалась так, как не боялась даже в тюрьме. Но мгновение – и это чувство пропало, оставив лишь недоумение. Что на меня нашло? В тусклом пятне лампочки стоял самый обычный парень, мой ровесник. Слегка сутулился, засунув руки в карманы пальто, прятал нос в серо-голубой шарф, который так и не снял. И смотрел рассеянно. словно снова пытался вспомнить, кто я такая.

– Похоже, в «Кабаньей голове» ты все-таки говорила правду. Ты и правда Ворона? Значит, хочешь убить Лино? Может, он и не бог, кто знает. Но он сильнее тебя в нескладанное множество раз. Ты просто пыль для него. Ладно, мне уже пора идти. Как заработаешь рогатых, положи на мой счет. И мой тебе совет – уезжай из Арвиндаля. Это Королевство принадлежит грешнику. Нечего тебе здесь делать.

Он вытащил из кармана какой-то клочок бумаги, чиркнул карандашом
несколько цифр – счет для возврата долга.

А потом просто ушел.

Жалкая горстка моих купюр так и осталась лежать на полу.

Несколько мгновений я тупо пялилась в стену – туда, где вместо изображения единорога темнело размытое пятно. Слова Фрейма эхом звучали

в голове.

А потом поняла, что именно он сказал. Сердце ударило в ребра и заколотилось так быстро, что заломило виски. Вскочив, я бросилась отодвигать кушетку, пытаясь от напряжения. Неужели... неужели?

Глава 4. Тайник

«Желания, наполненные человеческим пороком и лютой злобой, породили невиданные разрушения и катаклизмы. Континенты сотрясались от землетрясений, пылали от огня пробудившихся вулканов и захлёбывались в приливных волнах цунами. Наступил конец света. Словно сама земля и само небо желали освободиться от глупых и злых людей. Шесть Правителей во главе с Верховным Властителем Лино не спали и не ели целый месяц, пытаясь обуздать разгневанное мироздание и сохранить род людской. Сберечь остатки континентов, еще не разрушенные стихиями. Дабы остановить разрушение, им пришлось принести Великую Жертву.

Память о погибшем Правителе останется в веках.

А
скорбь о нем сохранят потомки.

Летопись Эры Исполнения Желаний»

Опомнившись, я оставила в покое кушетку и кинулась к двери. Осторожно приоткрыла створку и выглянула на темную лестницу. Но там уже никого не было, парень с прозрачными глазами ушел. Тихо закрыв дверь, я задвинула щеколду. Подумала и придвинула к створке кресло.

А потом вернулась к прерванному занятию.

Под кушеткой с внутренней стороны был ящичек. Так себе тайник, конечно, но лучшего не нашлось. Вот накоплю рогатых и арендую ячейку в знаменитом Облачном Хранилище. Говорят, это целый остров среди облаков, с бездонными кладовыми и огромной башней, в которой хранятся горы золотых монет и хрустящих купюр с изображением черного единорога. Все богатеи мира везут в Облачное Хранилище свои денежки, потому что нет на земле места надежнее. Там собраны самые ценные вещи всех Пяти Королевств и по слухам – даже архив с воспоминаниями. С хроникой всего того, что было до Хаоса и Забвения. До Лино. Примерно раз в полгода находятся смельчаки, а скорее – идиоты, которые пытаются взломать Хранилище. И тогда в газетах появляются леденящие душу подробности их бесславной смерти. А возглавляет этот банк сам Райан – почти такая

же загадочная фигура, как и Лино. О Правителях, основателях Ордена Лино, болтают всякое, но вряд ли хоть кто-то знает правду о тех, в чьих руках сосредоточена вся власть над этим миром. Все заветные желания. Если Лино – бог, то Орден и Пять Правителей – его архангелы.

Мои руки тряслись, когда я доставала из тайника коробку. Обычный ящичек, в похожих иногда продают мятное печенье и карамель. Я не знала, что лежит внутри. Но точно знала, что это невероятно важно. Возможно, это важнее всего на свете.

До этого дня я что только не пробовала, чтобы увидеть содержимое жестянки! Царапала, дергала, колотила об пол. Даже пыталась поджечь. Но крышка даже не сдвинулась! Не появилось даже крошечного зазора, в который можно всунуть нож! Ясно, что тайник создали с помощью заветного желания, обычный жестящик на такое не способен. И если бы на моей руке золотился ценный символ единорога, я наверняка потратила бы его на то, чтобы открыть этот чертов тайник. Но, к сожалению или радости, знака у меня не было, а ящик

до этого момента оставался
запертым. Кто бы ни создал это
небольшое хранилище, он умел прятать секреты.

Но я точно знала, что надо сделать, чтобы ящичек открылся.
Надо

произнести семь слов. Семь заветных имен.

Первое имя я вспомнила шесть лет назад. Когда неслась по переулкам Боргвендама, удирая от банды головорезов. Столица Железного Королевства – в отличие от Арвиндаля – славится своей благопристойностью. Правитель Яков не одобряет азартные игры и разврат, а его силовики тщательно патрулируют город, пресекая малейшие беззакония.

Правда, это относится в основном к Новому Городу – тому, что раскинулся между пятью спиралевидными башнями. Новый Боргвендам

– самое безопасное место в мире.

Но существует еще и старый Боргвендам – и в нем нет железных башен и бесчисленных патрулей. Здесь все гораздо проще, что на руку мелким и крупным воришкам вроде старухи Матильды, у которой я тогда проживала. Матильда обитала недалеко от рынка – разношерстной площади со всеми прилегающими улицами. Здесь можно было найти все, что пожелает душа, от свежей петрушки до вытканых золотыми нитками ковров. Железное Королевство еще

называют Королевством Мастеров, и это тоже верно, такого количества умельцев нет больше нигде. Великий Яков считается добрым Правителем. Справедливым, но суровым. Поэтому честно заработанные деньги торговцы и мастера предпочитают тратить в Арвиндале, где никто не помешает им предаваться игре и пороку.

Старуха, у которой я нашла приют после Забвения, зарабатывала себе на жизнь, таская из чужих карманов кошельки, или, если день выдавался сухим и теплым, жалостливо завывая на ступенях храма в надежде на подаяние. Последнее она считала бесплатным развлечением. Вернее, платным, потому что платили ей. «Я актриса! Я даю представление! – гордо заявляла Матильда, отдирая от лица ужасные резиновые струпы. – До Забвения я блистала на лучших театральных подмостках мира! Ах, я была великолепна! Неподражаема!»

Я предпочитала не напоминать о том, что никто не помнит свою жизнь до Забвения. И не говорить, что старуха с седыми нечёсаными космами, плаксивым голосом и чересчур ловкими пальцами вряд ли могла быть известной театральной персоной. За такие слова можно было огрести веником, а то и кочергой, Матильда оказалась скоро на расправу. Поэтому я лишь молча улыбалась, когда домовладелице хотелось

рассказать парочку историй о прекрасном прошлом.

«Я благодетель! – заявляла Матильда, возвращаясь с паперти. – Я позволяю чванливым богачам ощутить себя лучше, чем они есть на самом деле! Подавая мне пару монет, они верят, что стали ближе к Ордену и самому Лино! Учись, девчонка!»

Учиться я не хотела. По крайней мере – этому. Но в целом старуха была довольно мила и даже жалостлива. Конечно, когда не ругалась как тысяча демонов, пребывая в дурном настроении. Поэтому иногда я соглашалась на ее мелкие поручения – отнести сверток или забрать письмо.

В тот день так и было. Зевая и чихвостя про себя старуху, я тащилась на окраину Боргвендама по поручению Матильды. Утренний туман укрывал мощные улицы старого города, над которым возвышались витыми спиралями силуэты башен. Словно пять грозных

стрел, устремленных в небеса. Между ними ажурным кружевом вились железные дороги, зависшие в небесах проспекты и даже сады. Железный город отбрасывал густую фиолетовую тень на нижний –

каменный. Я обогнула Храм Ордена, где уже начались утренние песнопения, и вышла к пересечению каналов. От воды слабо несло тиной, сквозь туман проступали очертания бесчисленных дутых мостиков и узких лодок, покачивающихся на воде.

Откуда вынырнула банда головорезов, я так и не поняла.

Но это было и неважно. Одного взгляда на черные платки с нарисованными белыми оскалами, за что банду называли «веселой», мне хватило, чтобы не спрашивать, кто это и что им нужно.

Знать это мне совершенно не хотелось! Поэтому я просто развернулась и нырнула в туман. А потом понеслась со всей возможной скоростью. Я бежала через улочки, прыгала под мосты и скользила по проулкам, глотая влажный утренний воздух, ловя звуки погони и запахи пробуждающегося города. От запаха оно и вернулось

– имя. Я так неслась, что не заметила грузчика, тащившего ящик. Врезалась в него, ящик с хрустом рухнул – и по булыжникам покатались оранжевые плоды. Сочный аромат наполнил воздух. И я застыла как вкопанная, забыв о преследователях.

Апельсины. Грузчик ругался, собирая их, а я стояла, тяжело дыша.

Аромат щекотал ноздри.

Фантом.

Имя пришло вслед за запахом.
Фантом. Фантом. Фантом.

Прошрое.

Важное.

То, что скрыло Забвение.

Развернувшись и даже забыв о головорезах, которые растворились в тумане Боргвендама, я пошла обратно к дому Матильды. Это первое имя всколыхнуло омут моей памяти и по стылой воде побежали круги. Еще не воспоминания, но ощущения. И самым сильным из них было чувство потери. Я словно очнулась ото сна, в котором жила. Нет, память не вернулась, но теперь я точно знала, что сделаю все, чтобы восстановить ее. Фантом стал первым ключиком к подземелью с тайнами прошлого.

Спустя еще год я вспомнила второе имя. Со звуками какой-то глупой песенки память вернула мне Летописца. А еще через шесть месяцев, стукнувшись головой о потолочную балку, я вдруг вспомнила

Тишину.

Каждое Имя было сокровищем, бережно хранимым в сундуке
моего
разума.

Спустя годы я знала шесть имен. И знала, что этого недостаточно.

А сегодня...

Сегодня!

Снова оглянувшись на дверь, я поставила ящичек на колени. Откашлялась, потому что в горле от волнения пересохло. И тихо произнесла:

– Зверь. Летописец. Железо. Тишина. Фантом. Лино. – Я
выдохнула. – Грешник.

Одно мгновение – бесконечно долгое мгновение, за которое я, кажется, успела посидеть от волнения, – ничего не происходило. А потом крышка ящика тихо щелкнула и открылась. Открылась! Не сдержав торжествующего вопля, я вскочила и закружилась по комнате, чтобы хоть немного сбросить напряжение. Успокоившись, снова уселась на пол и наконец заглянула под крышку. Первая мысль – денег здесь нет. Если бы я ждала пачку рогатых, то меня постигло бы разочарование. Никаких купюр. Впрочем, как и никаких драгоценных камней или золотого слитка. В тайнике оказалась стопка бумаг. Самые обычные листы, желтоватые, заполненные мелким и нечетким машинописным текстом. Сверху лежали фотографии. Почти не дыша, я вытащила первую.

И уставилась на свое собственное изображение. Но я не помнила этого момента! Совершенно. Значит, меня сфотографировали до Забвения. Это была Эл в период Хаоса. Я была одета в узкие синие штаны и черную куртку, на ногах – ботинки со шнуровкой, на голове – вязаная шапка. Лицо скрыто тенью, я лишь начала поворачиваться, когда меня запечатлели. Но это точно была я. Я забыла момент, но внутри жило это понимание. Рядом темнела стена, на которой виднелись надписи, но букв почти не разобрать. Я прислушалась к себе, пытаюсь вспомнить, кто тот человек, что стоит за кадром. Но сколько ни пыталась, память не пробудилась. Только голова разболелась, как бывало всегда, стоило задуматься о том, что забыто – еще одно свойство Забвения. От фотокарточки осталось ощущение тревоги. И чего-то еще. Чувства... Я, несомненно, знала того, кто меня сфотографировал.

Но кто это был?

В полном смятении я достала второе фото. На нем хохотали двое детей – мальчик и девочка, лет семи-восьми. Удивительно похожие. Несомненно, брат и сестра. У обоих были светло-русые волосы, веснушки на щеках и задорные улыбки. Фоном служил двухэтажный

дом, зеленый забор и цветущие кусты дикой розы. Рядом вертелась кудлатая

собачонка, норовя забраться к кому-нибудь на колени.

Мальчик выглядел старше. Может, всего лишь на год. На нем были штаны с дырой на коленке, яркая желтая футболка и удобные сандалии. Девочка, одетая в синее платье с крупными ромашками, сидела на низком стульчике и, кажется, ждала мгновения, чтобы вскочить и куда-то унестись. Одна косичка у девочки расплелась, белый бантик свисал на плечо. Детей поймали во время игры, и они хотели к ней вернуться, а не позировать для фотографии. И вдруг я ясно услышала женский голос: «Дорогие, ну замрите хоть на мгновение, дайте же мне вас сфотографировать! Вот вернется ваш папа, я все ему расскажу!»

Сердце сделало кульбит и на миг остановилось. Я знала, чей голос прозвучал в моей голове. Голос моей мамы. А девочка на фото – это я. Я – другая, совершенно непохожая на меня нынешнюю. Я – до Забвения. До Хаоса. До Эры Исполнения Желаний. До всего...

Руки тряслись, и я положила обе фотографии на пол.

Кто сфотографировал меня повзрослевшую? Рядом со мной точно кто-то был. Но кто? И куда он потом делся? Почему оставил меня одну? Или просто забыл, как забыли мы все? Может, это был мой брат? Тот самый, что смеялся на детском фото? Брат! О Великая Пустота!

У меня есть брат! Не о нем ли

я так тоскую, даже не помня?

Я погладила карточку, где улыбалась девочка с веснушками. Тогда я еще помнила свое настоящее имя и свою семью. Свою маму, отца, брата. Где они сейчас? Живы ли?

И тут внутри меня словно приоткрылась завеса тумана. Словно в ответ на мои вопросы память всколыхнулась – и в голове понеслись картинки из прошлого. Вот наш дом и сад, в котором папа повесил на яблоню качели. Вот старенькая машина, тарахтящая каждый раз, когда заводишь мотор. Вот пузатая рыжая кошка и любимая собака брата... Вот моя комната с розовым покрывалом на кровати и огромным медведем в углу... вот лестница на первый этаж, вторая ступенька сверху нещадно скрипит, когда на нее наступаешь... Вот скворечник,

который мы с братом мастерили... получилось кривовато, но мы ужасно гордились поделкой... наши игры и проказы, ссоры и примирения...

Моя жизнь. Разрушенная и потерянная навсегда. Стертая тем, кого называют богом. Воспоминания о том времени, когда мне было восемь, затопили, и я взвыла, понимая, что тону в них. Я сжала виски руками, пытаюсь удержать поток воспоминаний. Они вертелись в голове смерчем, даря одновременно и невыносимую боль, и такую же радость. У меня есть семья! Моя семья! Те, кого я столько лет искала!

Я знала, знала, что они существуют. Не помнила, но знала.

В Пяти Королевствах говорят, что если встретить кровного родственника и посмотреть ему в глаза, то непременно узнаешь. Что голос крови сильнее Забвения. Я слышала кучу историй, что с кем-то так и случилось. День за днем я истово всматривалась в лица случайных встречных, надеясь услышать голос сердца. Но оно молчало. Всегда молчало. И это наполняло меня отчаянием. Закрадывалась трусливая мыслишка, что у меня просто нет родных. Почему

я осталась совсем одна?

Почему?

И лишь сегодня эта тоска, этот страх отступили. У меня есть семья!

Есть родные. И я их найду.

Моя ненависть к Ордену Лино наконец обрела черты и форму. Они виноваты во всем! Они разрушили мою жизнь. И поплатятся за это.

Чего бы мне это не стоило.

Чтобы успокоиться, я снова вскочила и выпила из чайника всю воду, прямо из носика. И вернулась к изучению тайника.

Под стопкой бумаг нашлась еще одна фотокарточка, вернее, лишь ее огрызок. Большой кусок снимка оказался оторван, остался только край, на котором тоже была я. Здесь мне было лет двенадцать. Я стояла на фоне реки, за спиной виднелся кусочек огромного моста и остроконечная башня с часами. Совершенно незнакомый пейзаж. На мне было платье с оборками и легкие туфли без каблуков. Я выглядела хмурой

и чем-то недовольной.

Подняв фото к самому лицу, я увидела, что ладонь хмурой Эл сжимает чья-то рука. Но сколько ни смотрела, разобрать больше не получилось, на снимке остался лишь чужой рукав и кончики пальцев. Остальную часть изображения безжалостно оторвали.

И, к моему сожалению, других фотокарточек в тайнике не оказалось, сколько я ни искала.

– Возьми себя в руки, Рид, – строго приказала я себе, усаживаясь на

пол. – Не смей раскисать! Так, и что это

такое?

Открыв папку, я вытащила верхний лист. Нахмурилась, пытаюсь разобрать плохо пропечатанные, смазанные слова. Взгляд выхватил фразу,

и я прочитала ее вслух:

«Фантом: Думаешь, только у тебя плохая погода? У нас уже

вторую неделю льет этот поганый дождь! Сплошной дождь, словно на небе образовалась дыра! Ненавижу этот дождливый город. Эй, кто-нибудь,

завинтите вентиль!

Зверь: Не ной, это просто дождь!

Фантом: Это куча воды на мою несчастную голову! Почему с неба не

падает что-нибудь вкусное?

Лино: Я бы сейчас не отказался от вишен. Обожаю вишни...»
Вишни?

Бум!

На крышу дома что-то упало и покатилося.
Бум! Бум! Бум!

Лампочка под потолком чердака припадочно затрещала, зашипела и погасла, оставив меня в крошечной темноте. За окном истошно завывала сирена, кто-то заорал. Я торопливо сунула бумагу обратно в тайник, закрыла крышку. Схватила свою куртку, натянула ее и выскочила

на улицу.

Вокруг творилось что-то странное. Кто-то кричал, кто-то бежал. Бродячая кошка с шипением метнулась мне под ноги и залетела в комнату – я забыла закрыть дверь.

Бум!

Рядом со мной плюхнулась на снег сочная, почти черная вишня с зеленым черенком. И еще одна!

– Что происходит? Нет, вы это видите? – заорала соседка со второго этажа, высунувшись в окно. Вишневый снаряд стукнул ее по макушке, и женщина взвизгнула. – Нет, вы только посмотрите! Это ведь вишни, что за безобразие! Остановите производ!

Более сообразительные прохожие уже вовсю собирали дар небес в подола и карманы. Я тоже подобрала несколько вишен, задумчиво

сунула их в рот. На губы брызнул кисло-сладкий, прохладный сок. Вкусно-то как!

Золотые звезды исчезли, как и зеленые всполохи северного сияния, небо над моим домом затянулось пузатой багровой тучей – и из

нее сыпались спелые ягоды.

– ... я бы сейчас не отказался от вишен... – прошептала я то, что прочитала минуту назад. Вытянув руки, с изумлением уставилась на

ящичек, который снова был надежно заперт. Понимание, еще смутное, но уже невероятное, сверлило мой разум и лишало дыхания.

– Кто-нибудь, вызовите силовиков! – продолжала возмущаться соседка. – Прекратите это безобразие! Немедленно вызовите представителей власти, они должны разобраться. Это произвол! Возмутительно!

Я буду жаловаться!

Хлопали окна, топали ноги. Соседи высыпали на снег с корзинами и мешками и принялись сноровисто набивать торбы бесплатным угощением. Я тоже собрала еще ягод, вернулась в свою комнату и заперла дверь.

Глава 5. Фрейм из ледяных туннелей

«Люди думали, что мировой порядок незыблем как камень и прочен как скала. А оказалось, что он лишь вода. Тающий снег. И может измениться в считанные мгновения. Любая стабильность всего лишь ненадежная иллюзия. Стабильности не существует – несмотря на то, что многие в нее верят. Лишь один новый и ранее неизвестный фактор способен полностью изменить структуру существующего порядка. И этим фактором может оказаться что угодно. Неизученная болезнь. Стихийное бедствие или небесное явление. Человек.

Летопись Эры Исполнения Желаний»

Лампочка под потолком осталась мертвой, но у меня были припасены свечи. В неверных бликах огня мелькнули зеленые глазищи, и я едва не швырнула в незваного гостя ботинком. Но это оказалась всего лишь замерзшая кошка, притаившаяся на кресле.

Я открыла для нее банку с дешевой рыбой, поставила на пол.

Кошка ответила голодным урчанием и накинулась на угощение.

А я, устроившись у свечи, снова открыла ящик и просмотрела бумаги. Плотно сжав губы, чтобы ни звука сквозь них не просочилось! Перед глазами плыло, когда я видела имена. Зверь, Летописец, Фантом... И Лино. Лино! Я пока не понимала до конца, что именно попало мне в руки, но это оказалось настоящим сокровищем. Я держала артефакт. Что-то изначальное, созданное Пятью Правителями и самим богом. Что-то, напитанное их силой и магией. Что-то настолько

ценное, что посрамит все богатства

Облачного Хранилища.

У меня кружилась голова, когда я думала об этом.

Мое первое воспоминание после Забвения: я стою на незнакомой

улице. Пахнет дымом и пеплом. Я не помню, кто я, куда шла и зачем. В моих руках палка, а на земле выведена буква «Л». словно я начала писать какое-то слово, но не успела. Я ощущаю невыносимую потерю, словно в один миг лишилась всего самого важного. Впрочем, так и было. Забвение стерло мою память. Я умела ходить, держать вилку и

даже читать, но не помнила ничего о себе. Забвение оставило людям все

навыки и умения, но удалило воспоминания о прошлом.

Рядом стоял этот самый ящик. И я знала, что он важен для меня. Очень важен. Но кто мне его дал? С кем я была в тот момент, когда пришла Пустота? Каждый раз, когда я об этом думаю и пытаюсь вспомнить прошлое, голова раскалывается от боли, а горло сжимается от чувства потери. Говорят, это нехарактерная реакция, большинство людей освободились и от памяти, и от привязанностей. Я снова посмотрела на ящичек. Почему в нем оказались мои фотографии? Откуда эта папка с листами? Что происходит?

Когда в мою каморку постучали ищейки, я сидела в кресле и гладила сытую кошку. К счастью, этих силовиков я видела впервые, и они вели себя вежливо. Мигающая лампочка оживила и теперь тускло мерцала под потолком. Силовиков было двое. На их вопросы: где была, когда пошел вишневый дождь, и чем занималась, я отвечала спокойно и даже безмятежно.

– Не видели, кто мог сотворить это безобразие? –
поинтересовался тот, что помоложе.

– Значит, это кто-то сотворил? Человек?
Ищейки

переглянулись.

– Похоже на несанкционированное исполнение заветного желания. В нашем Реестре ничего подобного не значится, – неохотно ответил второй. – Кстати, это преступное желание, потому что оно нарушило второй закон Лино. Дождь из вишен мог нанести вред этому дому и его жильцам. Но мы непременно разберемся и арестуем нарушителя.

Покажите вашу руку, Эл Рид.

Я задрала рукав. Использованное желание меняет цвет метки с золотого на черный. Но на мне не было рогатого знака, моя кожа была совершенно чистой. И впервые в жизни я этому порадовалась!

– Сочувствуем, – пробормотал молоденький силовик, рассматривая мою руку. Считается, что золотой знак не достался тем, кто в прошлом не сделал ничего достойного. Попросту – не заслужил. Чем более праведную и благородную жизнь вел человек, тем больше на его руке заветных желаний. А вот тем, кто в прошлом лгал, воровал, предавал или делал другие гадости, знаков не досталось. Орден называет это правилом божественного воздаяния. Но стоит вспомнить

толстяка Марфиса, и я начинаю сильно сомневаться в справедливости такого
распределения.

Как бы там ни было, мне желания не досталось. Возможно, до Забвения я просто не успела сделать ничего хорошего, чтобы его заслужить.

– Идем, Клим, здесь нам делать нечего. Если вспомните что-то подозрительное – немедленно призывайте ищеек. Но помните о штрафе за незаконный вызов!

– Непременно, – уверила я, выпроваживая мужчин.

Еще раз окинув мою комнатушку внимательными взглядами, ищейки наконец удалились. Я в очередной раз заперла дверь и вернулась к кошке. Та, пригревшись, заснула, хоть порой и поглядывала бдительно, приоткрывая желтый глаз.

Станный дождь прекратился. То ли закончилась сила произнесенных мною слов, то ли сработали силовики и устранили незаконную магию. Вишни собрали шустрые соседи, ни одной ягодки не осталось. Из моего чердачного окна не было видно набережную, но порой даже сюда долетали звуки веселья и музыки. Там, среди винных фонтанов и огней, никто не заметил случившегося в Пятом Переулке. Вишневая туча исчезла, а от ягодного дождя остались лишь воспоминания.

Но я ощущала себя почти счастливой.

Первым делом пришлось заглянуть в торговую лавку и купить крепкую сумку с ручкой через плечо. Оставлять ящичек в комнате я больше не рискну. Как подумаю, что весь этот месяц сокровище дождалось меня в плохо запирающейся каморке, пока я пахала у толстяка Марфиса! Кто угодно мог влезть на чердак и стащить мой тайник! Но теперь-то я его не выпущу из рук. Буду носить с собой. К счастью,

ящичек небольшой, размером с ладонь. И совсем легкий.

Сумку я выбрала из прочной холщовой ткани, с надежными креплениями и ремешками. А когда стала укладывать внутрь ящичек, ко мне подошел любопытный продавец. Я крепче обхватила тайник, но торговец

лишь восхищенно присвистнул.

– Интересная у вас вещица. Вы позволите?

Я нахмурилась. Отдавать коробку в чужие руки не хотелось. Но продавец – маленький и тщедушный – не выглядел опасным. Да и

лавка была совершенно пустой. Подумав, я протянула торговцу тайник,

и он с любопытством принялся вертеть коробочку.

– Вы уже видели подобные?

– Это депозитарий, – с удовольствием поведал продавец. – Ящик для хранения ценностей. Не горит, не тонет, вскрыть можно только условными

словами – паролем. Таких уже не делают.

– Почему?

– Так неудобные, в них нет функции сжимания. В новых-то можно установить любой размер и положить в них хоть гору золота, а в этих – нет. Неудобные. Хотя, как по мне, в этих депозитариях есть своя прелесть. Ваш депозитарий из самых первых образцов. – Лавочник покачал тайник на ладони. – Думаю, первый-второй год Эры Исполнения Желаний.

– То есть ее сделали в период Хаоса?

– Именно.

– А где? Где ее изготовили? – не веря в свою удачу, произнесла я.

– Хм... Думаю, не ошибусь, если назову мастерскую Людвига. Когда я видел его в последний раз, он проживал в Соларит-Вулсе, на улице древесных мастеров. Старый Людвиг все свои депозитарии покрывал вот таким черным лаком, говорил, это напоминает ему шоколадную глазурь на пончиках. Мастер Людвиг тот еще обжора. – Продавец весело подмигнул, и я улыбнулась. – Здесь должен быть отличительный знак серии... ага! Вот же он! Видите этот полумесяц? Людвиг

на все свои изделия ставит знаки.

Я забрала свой депозитарий и сунула его в сумку.

– Как думаете, мастер Людвиг может вспомнить, кому продал этот ящичек?

Но на это продавец лишь развел руками. А когда узнал, что продажа

состоялась много лет назад, и вовсе погрузился.

Но я покидала лавку окрыленная. Впервые за долгие годы у меня появились зацепки! Ниточки, которые приведут к моему прошлому. К моей семье! Я найду их. Я верну себе то, что украл у меня проклятый Лино.

За месяц проживания в Арвиндале я ни разу не бывала в его туннелях. Только сойдя с корабля и поняв, что хорошее жилье на набережной мне не по карману, я забрела в район, где начинались

ледяные лабиринты. Но мрачное, полное теней и странных личностей место отбило охоту в нем селиться. Даже несмотря на небольшую плату.

Тогда я решила, что лучше буду платить больше, экономить на продуктах, но видеть из окна небо. И вообще иметь в своей комнатухе хоть крохотное, но окно. Те, кто проживали в туннелях, были лишены подобного удовольствия. Мрачные коридоры некогда прорыли прямо в леднике, обустроив внутри дома, лавки и даже рынок. Правитель Арвиндала потратил одно из своих бесчисленных заветных желаний, чтобы туннели не таяли от тепла, света и дыхания. И все же порой случались обрушения, о которых шептались на улицах, но умалчивали в «Городском вестнике».

И спускаясь по узкой лестнице, я надеялась, что сегодня обойдется без рухнувшего на голову льда и снега. К моему удивлению, внутри туннелей кипела жизнь почти такая же оживленная, как на набережной. Ледяные коридоры то сужались до тесных тропинок, то разрастались в целые площади, на которых торговали, ругались, ели горячие пироги и дрались.

Пару раз я шарахнулась в сторону, пропуская пошатывающихся забулдыг, гуляющих в обнимку с бутылками горячительного и веселыми девицами. Здесь даже были свои зеленые и алые комнаты, подражающие заведениям наверху, но без претензии на аристократизм и дороговизну. Я отмахнулась от страстных призывов зайти на алый огонек

и выбрать себе развлечение по вкусу.

Один раз в сумраке туннеля навстречу выплыло странное рогатое существо, и даже убегая, я чувствовала его алчный, уже почти нечеловеческий взгляд. Такие порождения Хаоса и магической волны обитали в подворотнях и трюсах каждого Королевства.

Существо отстало, а я снова оказалась на торговой улочке.

– Эй, красавица! – ко мне подскочил старик в бордовом кафтане. Носить роскошные длиннопольные одеяния, украшенные мехом и вышивкой, подражая элите Арвиндала, считается престижным. Один кафтан может стоить дороже, чем приличный экипаж или даже автомобиль. Богачи тратят на такую одежду целые состояния. Но кафтан торговца был явно с чужого плеча, бархат не сходиллся на груди и блестел проплешинами. За спиной мужика торчали многочисленные сачки, трубки и сетки, с широкого пояса до самых колен свисали

гроздья склянок. Я хотела пройти мимо, но бородач торопливо произнес:

– Распродажа снов, красавица! Шикарные, дорогие сны, только самые лучшие! Не хуже, чем у самого Правителя Димитрия! Бери, три сна по цене одного! Добросон плохого не продает!

– Ну да, конечно, прямо как у Правителя, – не поверила я. – Димитрий – Повелитель Грез, а ты, видать, его правая рука? Все знают, хороший сон стоит дорого. А за медяк продают лишь жалкие подделки.

– Обижаешь, желтоглазая, – склонился ниже бородач. – У меня особая разработка! Я не делаю подделку, я ловлю обрывки Грез, самых настоящих, оттуда. – Торговец многозначительно ткнул пальцем в ледяной потолок. – Да, не целиком, лишь кусочки, но я никого не обманываю! И сны у меня выходят хорошие, качественные! Натуральный

продукт! Возьми хоть один, на пробу!

Тебе понравится!

Я хотела уйти, но старик там умоляюще смотрел, что моя рука сама собой вытащила медяк и сунула в его ладонь. В ответ я получила широкую беззубую улыбку и маленький полупрозрачный шарик, который положила в сумку.

– Не знаешь, где живет Фрейм? – спросила я напоследок.

– Так тебе вон туда, красавица. Дверь возле танцующей статуи.

Я кивнула и двинулась в сторону от галдящей толпы и торговца снами.

– Не пожалеешь, красавица! – кричал он мне вслед. – Еще придешь! Добросон продает лучшие сны!

Шестой туннель, вопреки логике, располагался сразу за третьим и перед девятым. Ледяные коридоры достраивали и перестраивали много раз, не соблюдая правильную нумерацию. Увидев черную шестерку на ледяной стене, я не смогла сдержать вздох облегчения.

Туннель извивался змеей, а потом неожиданно расширился, и я увидела ледяную скульптуру. Возможно, кто-то из жителей ледяного подземелья хотел украсить это место. И надо признать, он обладал выдающимся талантом. На несколько мгновений я замерла, рассматривая хрупкую женскую фигуру, укрытую тканями. Они разлетались во все стороны, словно девушка танцевала. Прозрачный лед казался невесомой вуалью, окутывал изящный стан, оставляя обнаженными плечи, ноги, спину... но полностью скрывая лицо.

Танцующая статуя оставляла ощущение полета. И еще почему-то – непонятную дрожь.

Мотнув головой, чтобы стряхнуть оцепенение, я постучала в дверь за извоянием. Потопталась, прислушиваясь. Показалось – или изнутри донесся голос? Не выдержав, толкнула дверь и вошла. За створкой была небольшая комната. В ней – ширма, из-за которой слышался плеск воды. Обстановка могла бы посоперничать скудостью с моей каморкой под крышей. Узкая кровать у стены, напротив – жаровня и грубо сколоченный стол, на полу – тонкий, истертый половик из разноцветных кусочков, вот и весь интерьер. Я поежилась от низкого потолка с ледяными наростами и довольно прохладного воздуха. Почему парень, имевший в запасе заветное желание, живет в таком ужасном месте? Он мог бы обменять свой знак на хорошее жилье наверху. Или оставлял на какую-то другую мечту? Тогда еще более странно, что Фрейм пожертвовал желанием ради незнакомки.

На миг возникло отчетливое ощущение угрозы. Может, уйти, пока не

поздно? Но нет, мне нужны ответы!

Пока я рассматривала интерьер, плеск прекратился. И из-за ширмы, вытираясь полотенцем, вышел хозяин комнаты. Мы уставились друг на друга в одинаковом изумлении. Он – потому что явно не ожидал увидеть меня, сидящей на его стуле. Я – потому что не думала, что под огромным пальто и размочаленным шарфом скрывается довольно красивое мужское тело. Взгляд помимо воли прилип к мускулистым рукам и плечам, а потом беспомощно сполз вниз – на живот парня и его бедра, к счастью, скрытые мягкими штанами. Фигура Фрейма оказалась поджарой и рельефной, словно у бегуна.

От созерцания меня отвлек довольно грубый оклик:

– Какого черта ты тут делаешь?

– Я?

Моргнула, возвращаясь в реальность. И что на меня нашло?

Подумаешь, полуодетый парень! Тоже мне, невидаль!

– Орден Лино утвердил, что никаких чертей не существует, это старая присказка исчезнувшего мира, – довольно глупо пробормотала я, и Фрейм удивленно поднял брови. Он явно ожидал каких-то других слов. – Я принесла тебе вишен. – Высыпала на стол ягоды. – Немного подмерзли,

но так даже вкуснее. Попробуй.

– Я не люблю вишни.

Фрейм по-прежнему стоял посреди комнаты и выглядел недовольным. Хотелось уйти. Но тут я ощутила спасительную злость.

– Ты все наврал, – глухо произнесла я. – Ты знаешь имя Правителя Арвиндаля! То самое имя. Забытое. Тайное. Стертое

Пустотой! Кто ты такой? – Понимание вдруг озарило вспышкой золотого света, и я застыла, пораженная. – Ты... ты что же... Ты что-то помнишь? Так?

В один миг парень оказался за моей спиной и зажал мне рот ладонью. Мокрой!

– Ты чокнутая? – зашипел он мне на ухо. – Хочешь, чтобы сюда явился отряд ищеек? В туннелях у каждой стены есть уши! И язык, чтобы докладывать наверх. Тебе никто не говорил, что нельзя вламываться

в чужие дома без спроса?

– А-а-а, – возмутилась я. Из-за прижатой к губам ладони получилось

что-то невнятное.

Фрейм шикнул и ладонь убрал.

– Я стучала. Но ты не услышал. А мне надо было с тобой поговорить!

– Обсудить несусветную чушь, которая пришла в твою голову? – мрачно осведомился Фрейм.

– Я не уйду, пока ты мне все не расскажешь.

– Зря я тебя вытащил из тюрьмы. Воздух каземат благотворно влияет

на мыслительные процессы. А

теперь выйди.

– Никуда я не пойду! Я...

Фрейм сделал шаг и оказался передо мной. Хмурый и мокрый.

– Мне надо одеться, – произнес он.

Я постояла, наблюдая, как скатывается с пряди его волос капля воды. Сначала набухает прозрачной бусиной, а потом плюхается на плечо парня и разлетается мелкими брызгами. Кожа Фрейма покрылась мелкими мурашками, светлые волоски на руках встали дыбом. Верно, он совсем замерз... Очень ценное наблюдение, Эл!

Развернувшись, я стремительно выскочила за дверь.

Пока я снова топталась возле танцующей ледяной скульптуры и размышляла о том, что в комнате Фрейма вполне может оказаться другой выход, и парень просто улизнет, дверь снова открылась. На этот раз новый знакомый ждал меня полностью одетым, даже в пальто и

своим неизменном шарфе! И был еще более злым, чем когда я покидала его жилище.

– Никогда не входи ко мне без стука, ясно тебе? – прошипел он. Вроде тихо произнес, а мне стало ощутимо не по себе.

– Но я стучала! – задрала повыше нос, чтобы выглядеть увереннее.

– В туннелях нельзя входить без спроса, – уже спокойнее повторил парень. Отошел к столу, налил теплой воды из чайника. Выпил. Горка вишен осталась нетронутой. – За такое здесь могут убить и сбросить тело в сток. Зачем ты пришла? Только давай без твоих глупых догадок. И следи за языком.

Он хмуро глянул через плечо.

– Ты назвал имя. – Я села на стул и расправила плечи. – В моей комнате на чердаке. Имя, которое никто не знает. Скажи, откуда оно известно

тебе.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ты сказал, что Арвиндаль принадлежит... грешнику!

– Грешникам. Я сказал грешникам, Эл. Разве это не так?

Мы уставились друг на друга. Я – растерянная и обескураженная, он

– спокойный, словно ледяная статуя.

Арвиндаль принадлежит грешникам? Я просто неправильно поняла? Но депозитарий открылся! Он открылся! Значит, все верно. Тайное

имя – это Грешник!

Фрейм выглядел настолько невозмутимым, что хотелось его стукнуть.

– Все ты понимаешь! – взорвалась я, не выдержав. Пережитые неприятности бурлили во мне вулканом, не давая успокоиться. Впервые за долгие годы я оказалась близка к своей цели. Тайное имя открыло мой депозитарий и завесу прошлого. И теперь я просто не могла успокоиться. Мне хотелось схватить Фрейма за воротник пальто и трясти, чтобы узнать все, что хранится в его голове. Все-все!

– Вижу, ты не отцепишься. – Парень двинулся к двери. – Поговорим наверху.

По туннелям мы шли молча. Помня о словах Фрейма, я держала язык за зубами и хмурилась. В голове вертелись десятки вопросов. Парень ориентировался в ледяном подземелье куда лучше моего, так что уже через пять минут мы оказались на шатающейся лестнице, а

после – на поверхности. Я с наслаждением втянула воздух, который казался

теплым после зябкости туннелей.

Не глядя на меня, Фрейм быстрым шагом двинулся в переплетение улиц Арвиндаля. И мне уже показалось, что парень вообще забыл о моем присутствии, когда он сказал:

– Ладно, ты права. Имя... я узнал его случайно. Подслушал в туннелях.

– Но ты знаешь, чье это имя.

– Да. Правителя Арвиндаля, Димитрия.

– Тайное имя одного из Пяти Правителей! Кто произнес его?

– Я не видел. – Фрейм шел, уткнувшись в серо-голубой шарф, из-за чего слова казались глухими и скомканными. – Я лишь услышал – и на

этом все.

Просто подслушал? Разочарование укололо ледяной крошкой, насыпанной за воротник. И растаяло от злости.

Ругнувшись, я схватила Фрейма за рукав и дернула, останавливая.

– Да врешь ты все!

Он остановился, окинул меня взглядом. Над нами вспыхнул золотом

звездопад, искры отразились в глазах парня.

– А даже если и так, – с неожиданной насмешкой произнес он. – Даже если и вру. И что? Почему я должен тебе что-то рассказывать?

– Я тебе заплачу.

Насмешки стало больше.

– Ты и так должна мне целую гору рогатых. И кстати, не отдала еще

ни одного. Чем ты мне заплатишь?

– Я... – набрала побольше воздуха. – Я скажу тебе остальные имена. Тайные имена основателей Ордена Лино. Да за такие сведения любой

газетчик заплатит целую пачку рогатых!

Фрейм остановился и глянул через плечо. Но улица была пуста.

– Ты их не знаешь.

– Я знаю.

– Откуда?

А вот и он – тот самый вопрос, которого я боялась. Хотелось соврать,
но я решила сказать правду.

– Я... их знаю. Откуда-то, – неохотно прошептала я. – После
Забвения
у людей иногда остаются
отголоски памяти, я о таком читала.

Так вот, моя память сохранила эти имена. Возможно, до Забвения они
не
были тайными.

– Тогда почему сама не продашь эти сведения?

– Боюсь. – Я пожала плечами. – У меня нет знакомых газетчиков.

А незнакомые могут сдать меня ищейкам.

Звезды вспыхивали и гасли, делая глаза Фрейма то светло-
золотыми, то сумрачно-чернильными.

Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Кажется,
моему новому знакомому хотелось просто повернуться и уйти. Но к
счастью,
он все-таки кивнул. Пусть и с
неохотой.

– Ладно. Идем.

Глава 6. Директор лжи и неожиданные
открытия

«Заветные желания могут изменять лишь неодушевленные
предметы мира. Изменять человеческое или звериное тело
категорически запрещено. Нарушение данного закона карается
смертной казнью.

Третий закон Лино (принят после необратимых изменений
человеческих
и иных созданий в период
Хаоса)»

Сияющая набережная Арвиндаля осталась где-то за спиной. Как и
оживленные верхние улицы. В молчании мы дошли до темного
переулочка. Не оглядываясь, Фрейм толкнул дверь ближайшего дома. Я с
сомнением осмотрела подворотню, которая точно не внушала доверия,

и дом с заколоченными ставнями. Из-за наглухо прибитых досок не проникал ни один луч света. Зачем странный парень привел меня сюда? А вдруг за дверью поджидает банда головорезов, которые только и ждут развлечение в виде заглянувшей к ним девушки?

В смятении я потеряла лоб. Возникло ощущение, что я на полной скорости

лечу в бездну, и зацепиться мне не за что. Может, уйти?

Ну уж нет! Я слишком устала от этих чувств, от попыток вспомнить, от тоски по тем, кого моя память не сохранила. Разве это не ужасно, скучать по тем, кого даже не помнишь? Тосковать по ним? Желать встречи? Каждый день просыпаться с надеждой, что вот сегодня тайники разума откроются – и ко мне вернется прошлое. И каждую ночь засыпать разочарованной, потому что этого не произошло.

Я подобралась совсем близко к разгадке и теперь сделаю все, чтобы вернуть то, что у меня забрали!

Никаких сомнений.

Нахмурившись, я нащупала в кармане нож, сжала его в кулаке и пошла за Фреймом. Поморгала, привыкая к скудному освещению. Узкий коридор переходил в довольно просторную комнату. Вернее, она была бы просторной, не будь так густо заставлена всякой всячиной. Я снова моргнула. Да это же лавка старьевщика! Вот куда я попала! Со

всех сторон здесь теснились древние пузатые шкафы, набитые барахлом, тянулись полки, доверху заставленные банками, железками, осколками, битыми бутылками, кувшинами, щербатыми тарелками и прочим мусором. Целые горы рваной одежды были свалены на полу, так что приходилось их огибать, пытаюсь найти дорогу в лабиринтах этой свалки. На крючках висела одежда получше, попадались даже кафтаны и некогда роскошные платья. Каждый клочок свободного места занимали непонятные предметы, и я не всегда понимала их назначение. Вот, к примеру, большой сундук с торчащими рожками – это что? А плоская черная коробочка размером с мою ладонь? Таких было полно в корзине на столе. Я осторожно вытащила эту плоскую штуковину, повертела. Предмет казался странно знакомым... И еще возникло ощущение, что его надо как-то... оживить?

Странное чувство вызывало беспокойство.

Я погладила гладкую глянцевую поверхность и двинулась вперед. Длинный стол у стены был завален подобным барахлом непонятного назначения. Ясно, что все это предметы прошлой эпохи, которую теперь называют гиблой, но для чего все они служили?

Пожав плечами, я двинулась дальше в недра лавки. Потрогала узорчатую и побитую молю шаль, обошла громоздкий ящик с торчащей из центра трубой, обогнула наваленные кучи тряпок.

Некоторые кучи при этом весьма подозрительно попахивали. Возможно, в безнадежных попытках отыскать выход, в них сдохла какая-то мышь.

Лавируя между скособоченными сервантами и разбитыми шкафами, я наконец выбралась к освещенному пятачку пространства.

– ...нужен директор лжи. Дашь?

Фрейм стоял ко мне спиной, пришлось заглянуть через его плечо, чтобы увидеть собеседника. И вздрогнуть от удивления. Мужчина, заметив мою реакцию, насмешливо фыркнул.

– Смотри-ка, твоя подружка засмотрелась на мой нос! – продолжая хохотать, старьевщик ткнул пальцем в свое лицо.

Нос и правда оказался выдающимся, во всех смыслах. Говоря откровенно, это был самый огромный нос, который я только видела! К тому же, старьевщик посыпал его серебристой пудрой и украсил камушками, так что и без того значительная часть лица сияла, словно начищенный самовар.

– Она не моя подружка, – буркнул Фрейм.

– Я не засмотрелась, – пробормотала я.

– Небось, гадаешь, как я обзавелся таким украшением? – весело подмигнул старьевщик. – Думаешь, я бедолага, которого изменила магическая волна? А вот и ошиблась! Я сам пожелал ощущать больше прежнего! Так и сказал приемщику желаний – хочу нюхом чують годный товар! И вот! Мое желание исполнилось! Теперь я чую диковинные вещицы даже под толщей льда! Даже на глубине целого ледника! Чудо! Это лучшее мое приобретение! Долгих лет и процветания

Великому Лино!

Старьевщик торжественно протер свой ценный нос белым платочком. Я сдержала улыбку и подняла большой палец. А потом показала на плоскую штуку, которую все еще держала в руке.

– Что это такое?

– А, думаю, это подставки для стаканов. Продаю пяток за один рогатый. Будешь брать?

Я с недоумением воззрилась на предмет из гиблой эпохи. Подставка для стакана? Неудобная какая-то. Но в гиблую эпоху делали много непонятных и глупых вещей, все это знают.

Качнула головой и положила предмет на стол старьевщика.

– У меня нет стаканов.

– К делу, Клюв, – резко оборвал Фрейм. – Ты дашь мне воспользоваться

директором?

– Знаешь, парень, мне вот всегда кажется, что эта штуковина называется как-то иначе... – Нос старьевщика дернулся, словно жил своей отдельной от хозяина жизнью. И Клюв махнул куда-то за шкафы.

– Там он. Пользуй, пока не надоест. Кому-нибудь из вас!

Хохотнув над своей «остроумной» шуткой, обладатель драгоценного
носа скрылся в недрах свалки.

Фрейм глянул на меня через плечо и сделал жест рукой, приглашая меня... в шкаф? Я подошла с опаской. Оказывается, предмет мебели был сквозным, за дверцей открылось не тесное нутро, а еще одно помещение. Здесь было немного чище, а у стены стояло устройство со множеством проводков. Фрейм указал мне на стул рядом, я села. Что еще за директор лжи?

– Что ты собираешься делать?

– Это устройство из гиблой эпохи, создано еще до Хаоса. Определяет ложь. Не хочу, чтобы ты мне наврала с три короба и сбежала. Курткуними. И закатай рукава.

– Я не собиралась врать, – прошипела я, раздеваясь. Сумку пришлось повесить на спинку стула, туда же я пристроила куртку. К моим запястьям парень прикрепил какие-то липкие штуковины. И остановился.

– Датчик надо приклеить под сердцем, – сказал он. – Подними свитер.

Я уставилась на наглеца, надеясь, что он шутит, но Фрейм смотрел

совершенно бесстрастно. Не шутит.

Рывком задрала свитер. Бюстгальтер я никогда не носила.

Фрейм молча прикрепил под левой грудью непонятный кругляш. Теплые пальцы скользнули по моей коже и тут же исчезли. Парень отвернулся

и сел на соседний стул, уткнувшись носом в свой шарф.

Устройство загудело, замигало.

– Надеюсь, оно не шибанет меня током? – буркнула я. – А то отличный способ узнать правду. Пара разрядов – и жертва сама все выложит!

– Ты сидишь на стуле? – не реагируя на издевку, спросил Фрейм.
Я

подняла брови, но ответила:

– Да.

Тонкая линия на экране осталась неподвижной.

– Ты одета в штаны, ботинки и свитер?

– Да.

– Тебя зовут Эл Рид?

– Да.

Линия подпрыгнула и изогнулась дугой. Я пожала плечами.

– Все знают, что имена мы взяли после Забвения. Не думаю, что
это

имя можно считать настоящим.

– Ты помнишь, что было до Забвения?

– Мы так не договаривались! – вспыхнула я.

Наши взгляды встретились поверх натужно пищущего директора
лжи. Светлые глаза парня казались черными, словно омуты. И это
было странно, ведь он сидел на свету. Нижнюю часть лица полностью
закрывал

шарф.

В углу что-то зашуршало. Возможно, мышь все-таки нашла
выход.

– Я хочу знать, что ты не врешь.

– Тогда спрашивай по делу!

– Это тебе нужны ответы, – с насмешкой протянул Фрейм. – А я
лишь хочу знать, что могу тебе доверять. Тебе и тому, что ты скажешь.

Я просверлила взглядом его лоб. Но увы, это не помогло.

– Я помню... немного. Свою семью... – теперь я сверлила глазами
кучу барахла в углу. – Раньше были лишь смутные ощущения, они
постоянно гнали меня вперед. Заставляли... искать. Мучили. Каждый
день. А сегодня я вспомнила больше. Родителей. И брата. И то время,
когда нам было лет по восемь. Их лица, голоса... Говорят, люди порой
что-то вспоминают. Что-то из прошлого. Но увы, это все. Остальное
моя память не сохранила.

Фрейм посмотрел на экран и медленно кивнул.

– Ты знаешь тайные имена Основателей Ордена Лино?

– Да.

– Назови их.

Я выдохнула. Запретные звуки застревают в горле и не хотят покидать

надежное убежище моих губ.

– Грешник. Железо. Летопись...

В глубине комнат что-то грохнуло, завопил старьевщик. И в тот же

шипастый шарик. Тот лопнул миг Фрейм вскочил и швырнул на пол

– и шкафы заволокло густым дымом. Откуда-то сверху грянул голос:

– Не двигаться, всем оставаться на местах! Это задержание!

Вопреки приказу, я рухнула на пол, торопливо срывая с себя пищащие датчики. Какого черта? Меня ведь отпустили из тюрьмы! Неужели опомнились и решили снова задержать? Но я ни в чем не виновата! И Фрейм сказал, что отдал за меня желание! Неужели наврал? Тогда почему меня выпустили?

Оглушительно взвыла сирена ищеек. От едкого дыма щипало в глазах и мучительно хотелось кашлять. Сдерживаясь из последних сил, я откатилась в сторону и столкнулась с Фреймом. Он лежал за грудой мусора и, увидев меня, прижал палец к губам. Испуганным парень не выглядел. Впрочем, по его лицу вообще сложно хоть что-то понять.

– Коготь! Подними руки и выйди на середину комнаты! Если не хочешь, чтобы мы начали стрелять.

Коготь? Лидер Сопротивления и Ворон? Где?

Ошеломленная, я уставилась на Фрейма. Так как в этой горе мусора были только мы с ним, а я точно не Коготь, выходило, что главарь банды – мой новый знакомый. Я моргнула. Вот этот парень, живущий

в тесной комнатке шестого туннеля? Да быть этого не может!

Фрейм по обыкновению ответил невозмутимым взглядом. И почему-то этот взгляд убедил меня, что – может. Еще как может! Поглоти всех Пустота!

Фрейм дернул меня за рукав и одними губами произнес – туда.

Куда – туда? Тут везде какая-то рухлядь и больше ничего! Но парень уже шустро полз между кучами барахла, и я устремилась следом. И тут меня осенило: а зачем я вообще прячусь? Я же ни в чем не виновата! Это он – Коготь! А я... а меня только выпустили, обвиняя в связях с Сопротивлением. И выпустили под залог лидера – как оказалось – этого самого Сопротивления! Вот же дерьмо! Я поползла быстрее, стараясь не поднимать голову. Туман рассекали зеленые лучи винтовок. Подобное оружие позволено только силовикам, и мне совсем не хочется, чтобы они его применили!

И тут я вспомнила про сумку. Проклятие! Я оставила ее на спинке стула!

А там мой депозитарий!

Зашипев, я поползла обратно. Фрейм схватил меня за ногу.

– Куда? – шепотом рявкнул он.

Не отвечая, я стряхнула его руку и поползла быстрее. Дым начал рассеиваться, я уже видела силуэты столпившихся у входа ищек.

– Ползи за мной, чокнутая, – уже почти в голос выругался Фрейм, но

я не послушалась.

– Мне нужна моя сумка!

– Я его вижу! Вон он! – заорал силовик, и в нашу сторону метнулись

опасные зеленые лучи.

– Не стрелять! – приказал другой. – Берем живьем! Приказ Правителя!

Эй, их там двое?

Завеса дыма уже напоминала дырявое одеяло. Поняв, что время закончилось, я вскочила и рванула к стулу, сдернула свою сумку, накинула на плечо и снова рухнула на пол. Позади меня взорвался директор лжи – кто-то из силовиков все-таки не выдержал.

– Не стрелять! – рявкнул их командир.

Я затравленно оглянулась. Куда ползти? Фрейм наверняка успел удрать, пока я тут прыгаю... Оказывается, нет. Парень все еще был рядом.

– Что будем делать? – выдохнула я, прячась вместе с ним за ящиками. Фрейм-Коготь ответил злым взглядом. Я показала на окна. Может, удастся отодрать доску и выбить стекло? Или здесь есть другая дверь – в каком-нибудь из многочисленных шкафов? Наверняка есть! Надо только...

И тут Фрейм неожиданно встал в полный рост. Лениво так

поднялся, как со снега при нашей первой встрече. Четыре зеленые точки сошлись на его груди.

– Не стреляйте. – Голос парня прозвучал насмешливо. – Я сдаюсь.

Дым

развеялся окончательно.

– Командор, там девчонка!

Я встала и подняла руки, пытаюсь выглядеть максимально невинно. Я-то здесь вообще ни при чем! Я случайно тут оказалась! Мимо проходила!

– Ты кто такая? – грубо спросил силовик.

Коготь-Фрейм посмотрел на меня и медленно улыбнулся.

– Познакомьтесь, господа. Эл Рид, моя советница и правая рука.

Что? Какая еще советница? Да я этого парня вижу второй раз в жизни!

– Взять обоих!

Сверху упала сеть, пеленая меня как младенца. Снова!

Глава 7. Правитель Ночи и Грез

«Заветные желания необратимы и возврату не подлежат.
Четвертый Закон Лино»

Всю дорогу я нещадно ругалась, осыпая Фрейма самыми отборными проклятиями и призывая на его голову все кары небесные и земные. К сожалению, все это лишь мысленно, потому что чертова сеть

не давала открыть рта.

Потом ругаться я перестала, потому что делать это, когда тебя никто не слышит – совершенно неинтересно. И стала размышлять, как меня угораздило из всех жителей Арвиндаля связаться именно с лидером Сопротивления? А ведь Фрейм мне почти понравился... Правда, я и подумать не могла, что этот парень может иметь хоть какое-то отношение к Воронам. Ну какая из него Ворона?

Хотя... я покосилась на плывущего рядом Фрейма. Темные волосы, нос с горбинкой... Вылитая Ворона! И как я раньше не замечала? Парень невозмутимо смотрел на вспыхивающие звезды и, кажется, даже улыбался. Да он же сумасшедший! И я, раз связалась с ним.

Транспортировали нас недолго, на этот раз, к счастью, тащили не

пешком, а усадив в железную коробку для перевозки преступников. Единственное окошко с решеткой заслонял верзила-ищейка, так что понять, куда нас везут, не получалось. Хотя что тут понимать... меня ждет тюрьма. Никто не поверит, что я не виновата. И что ничего не знаю о планах Сопротивления.

Сжав зубы так, что челюсть заныла, я отвернулась к стене. Рано унывать. Моя сумка все еще при мне. А это значит, есть шанс выбраться. Надо только дотянуться до депозитария и вытащить хоть один лист. Найти хоть одну фразу, способную мне помочь.

Я попыталась пошевелить пальцами и – о чудо! – у меня получилось. Очень медленно, сохраняя на лице выражение безучастности, я тянулась рукой к застегкам сумки. Еще чуть-чуть!

– Приехали! Выводи их! – Железная дверца распахнулась, и наш охранник

дернул «поводок» сети.

Мы с Фреймом слаженно взмыли в воздух, стукнувшись на взлете лбами

и дружно зашипев от боли. Нас

поставили на ноги, оставив руки связанными за спиной.

И только тут я осмотрелась. И изумленно заморгала. Впереди возвышалась вовсе не тюрьма. Белая ажурная ограда высотой в три человеческих роста не скрывала изумительного сада внутри. За оградой звенел знаменитый Хрустальный Сад. Тысячи искрящихся гранями деревьев и цветов тянули к звездному небу прозрачные лепестки. Кто-то верил, что каждое растение этого сада сделано не из хрусталя, а из самых настоящих алмазов. Порой даже находились дураки, желающие стащить парочку тюльпанов, но такие быстро оказывались в карцере. Ведь в глубине сада возвышалось здание – самое охраняемое в Арвиндале и самое красивое во всех Пяти Королевствах. Говорят, что ночные созвездия завистливо гаснут, когда видят Звездный Дворец.

И именно в него нам предстояло войти! Хрустальные ворота уже открывались, чтобы пропустить нас.

От изумления я потеряла дар речи. Фрейм рядом со мной тихо хмыкнул, словно его снова что-то развеселило.

– Шевелитесь, – дернул поводок ищейка. – Правитель ждать не любит!

Спотыкаясь, мы пошли по дорожке между звенящими деревьями и ледяными скульптурами. Золотые огни превращали сад в поистине восхитительное зрелище. Правда, любоваться им я предпочла бы издалека.

Ищейки провели нас к одному из входов во дворец. Я ощущала радостное возбуждение силовиков, видимо, каждый из них предвкушал награду от своего Правителя. Нас с Фреймом завели в пустую комнату. Следом тут же влетел высокий худой мужчина в пурпурном кафтане, богато отделанном мехами и драгоценностями. Длинные темные волосы придворного были заплетены в несколько кос и украшены заколками.

– Мне уже доложили, что вы наконец взяли Когтя. – Придворный окинул

нас хищным взглядом.

Рыбьи глаза навыворот осмотрели меня с ног до головы – и почудилось, что меня вывернуло наизнанку. Но придворный глянул на меня лишь мельком, сосредоточив свое внимание на Фрейме. Тот по

своему обыкновению казался безучастным и немного сонным. Придворный нахмурился.

– Вы уверены, что это он? Лидер Ворон? Что-то не похож.

– Он сам признался, советник Фомальгаут, – почтительно склонился командор ищеек.

Я прищурилась. Фомальгаут? Один из семи советников, правая рука Правителя Арвиндаля, жестокий и опасный интриган. Говорят, до Забвения он владел этими землями – от сосновых лесов на западе до моря, граничащего с Соларит-Вулсом на востоке. Потому Димитрий, придя к власти и создав столицу на леднике, сделал Фомальгаута своим первым советником, оценив его навыки управления. К тому же в период Хаоса этот человек получил способность видеть насквозь. В буквальном смысле. По крайней мере именно так болтали в городе. Правда

– шепотом.

– Хм, – обошел нас советник, рассматривая. – Я представлял его несколько

иначе.

Стремительно развернувшись, Фомальгаут устремился к двери.

Притормозил на пороге.

– По правде, этот парень больше похож на обычного бродягу, чем на лидера Сопротивления. И я подумал бы, что вы решили подсунуть мне подделку, уважаемый господин Хват. Обмануть мое доверие. – Командор ищеек шумно сглотнул. – Но у этого парня ножи в каждом сапоге, взрывчатая сфера в кармане и целый арсенал метательных дротиков, пришитый к изнанке пальто. И еще он практически освободился от вашей сети. Выдающееся умение. Удивительно, что при таком спутнике девчонка безоружна.

Я тихо порадовалась, что мой нож остался в куртке, а та – в лавке

старьевщика.

– Что? Какого... – Командор дернул свой поводок, и Фрейм развел руками, словно извиняясь.

Ищейки накинулись на парня со всех сторон, повалили на пол, сдирая с него пальто и отбирая оружие. Кто-то ойкнул, кто-то ругнулся, кто-то ударил кулаком. Советник смотрел на происходящее с холодным интересом.

Когда куча ищеек распалась, Фрейм вытирал с разбитой губы кровь. Пальто у него отобрали, как и шарф, оставив парня лишь в черном свитере, который тоже оказался слишком большим. Возле ног

ищеек теперь возвышалась впечатляющая куча оружия, изъятого у Фрейма.

– В следующий раз попытайтесь разоружать преступников до того, как привести их во дворец, – холодно произнес советник.

– Так ведь на них была сеть...

Советник поднял холеную ладонь, останавливая силовика.

– Я оценил ваши действия и их компетентность, командор. А теперь – покиньте дворец и возвращайтесь на службу. Преступников проводят мои стражи. И поторопитесь. Наш Правитель ненавидит ожидание.

– Но... – начал было ищейка. Но тут же умолк, когда в дверь скользнуло с десятков стражей. Серая форма и гладкие маски на лицах делали их похожими на бесшумные сумрачные тени – абсолютно одинаковые

и совершенно безликие.

Сеть с меня сняли, и я потеряла слегка онемевшие запястья. И к моему счастью, сумка по-прежнему была со мной! Видимо, дар Фомальгаута не обнаружил в ней ничего опасного.

Нас вывели в коридор. Чем шире он становился, тем явственнее звучала музыка и слышался смех. Фрейм молча шагал рядом, иногда слизывая с губы кровь и не глядя меня. Окруженные плотным серым кольцом стражей, мы поднялись по широкой мраморной лестнице. Сияющие двери распахнулись, и мы оказались... в тронном зале. Полном наряженных, сверкающих драгоценностями придворных! Я на миг зажмурилась от света тысячи искр, свободно плавающих между полом и купольным потолком. Я никогда в жизни не видела роскоши, подобной той, что царила во дворце Правителя Арвиндаля. Не зря Звездный Дворец называют самым прекрасным зданием Пяти Королевств.

Несмотря на связанные руки, мое сердце забилось чаще от восторга и восхищения. Тот, кто создавал это место, был выдающимся

художником и эстетом. Высоченный купол зала украшали многочисленные фрески, а зеркальные стены создавали иллюзию бесконечности.

Музыка смолкла. В наступившей тишине мы шли по проходу между придворными. Со всех сторон я видела веселые, насмешливые и любопытные лица, усыпанные серебряной пудрой и камнями. Никто не выглядел испуганным, скорее, от нас ждали нового развлечения. От

богатых мужских и женских кафтанов, каскадов драгоценностей и мехов зарябило в глазах.

Похоже, здесь собрался весь высший свет Арвиндаля.

Посреди зала возвышалась ониксовая статуя единорога, стоящего на задних ногах. Красные глаза были выполнены из огромных рубинов. Черный рог угрожающе поблескивал. Ходили слухи, что в минуты гнева Правитель Димитрий подвешивает на этот рог провинившихся, окропляя преступной кровью черные бока божественного зверя.

Я подняла взгляд. К счастью, сегодня на роге никто не висел.

Зато у его подножья, у копыт зверя, творилось настоящее безумство! На широком постаменте извивалось множество почти обнаженных тел. Парни и девушки танцевали, целовались, откровенно ласкали друг друга и терлись об ониксовые бока единорога. Красивые извивающиеся тела прикрывали лишь сверкающие вуали или серебристая пудра.

Я отвернулась.

На хрустальных столах вдоль стен высились горы еды и винные фонтаны. Живот при виде угощения некстати заурчал, напоминая, что мой завтрак остался в далеком прошлом.

Глашатай за спиной ожил и звучно объявил:

– По приказу Великого Правителя Арвиндаля, принца звезд и теней, Повелителя северных льдов и полярного моря, Властителя Королевства Ночи и Грез, короля Димитрия... – Многозначительная пауза. – Арестованы и обезврежены преступники Королевства! Лидер Сопротивления и главарь Ворон, Коготь, и его подельница Эл Рид!

Сверкающая парчово-меховая толпа ахнула и отхлынула. И мы оказались перед возвышением. Страж ловко ударил меня по ногам, заставляя встать на колени.

Правитель восседал на высоченном хрустальном троне, укрытом белыми шкурами. Восседал с выражением невыносимой скуки на лице, держа в руке фужер с вином и закинув ноги на подлокотник. Прищурившись, я вскинула голову и посмотрела на хозяина Арвиндаля. В Пяти Королевствах запрещены изображения Великих

Правителей. Но почему-то я всегда представляла Дмитрия мужчиной лет пятидесяти, больше похожим на советника Фомальгаута.

А Дмитрий оказался немногим старше меня. Возможно, ему еще не

исполнилось и тридцати.

Откинув фужер, разлетевшийся на мраморе хрустальными брызгами, король Арвиндаля опустил ноги и направился к нам. Шел неторопливо, словно давая себя рассмотреть во всей красе. И надо признать, посмотреть было на что. Наряд Правителя состоял из белоснежных узких брюк, заправленных в высокие сапоги, сверху блестел роскошный темно-синий кафтан, богато украшенный черным мехом, серебряной вышивкой и широким поясом-кушаком, сплошь усыпанным

драгоценными камнями. Наверное, стоимость одного лишь этого пояса была сравнима со стоимостью небольшой флотилии.

Но больше всего поражало не богатое одеяние.

Высокий лоб Дмитрия охватывал алмазный венец, состоящий из острых неровных осколков. Сияние венца окутывало лицо Правителя и зажигало мерцанием его светло-голубые глаза. И лишь

присмотревшись, я поняла, что венец – не искусственный. Что это часть Правителя. Что острые грани поднимаются прямо из лба Дмитрия. И вся его кожа, даже губы, усыпаны колючими хрустальными осколками. Они складывались в замысловатые узоры и стекали на шею, под мех воротника.

Короткие белые волосы короля были посыпаны серебристой пудрой. А когда он подошел совсем близко, и я заглянула в его глаза – вздрогнула. Его взгляд казался холодным, но на доньшке плескалось что-то иное. Обжигающе злое.

– Неужели сам Коготь решил почтить нас своим присутствием? – скучающе произнес Дмитрий. Небрежным жестом протянул руку в сторону, и расторопный слуга тут же вложил в нее новый фужер, наполненный ледяным вином. Дмитрий сделал глоток, не спуская с нас взгляда. – Я изрядно развлекусь, обдумывая способ вашей казни. Возможно, вы умрете, истекая кровью на роге священного зверя. А может, сойдете с ума от пыток. Что бы мне выбрать?

Придворные одобрительно загудели, Дмитрий улыбнулся.

– Коготь и его советница. Вы доставили неприятности моему городу и всем Пяти Королевствам. Не так много, как вам хотелось бы, конечно. Жалкие попытки Сопротивления свергнуть Великих Правителей ожидаемо потерпели крах. И посмотрите, кто стоял во главе презренных Ворон! Два оборванца!

Зал разразился насмешками. Я сжала кулаки. Димитрий взмахнул бокалом.

– Я рад, что именно мои силовики сумели устранить угрозу и обезглавить Сопротивление. И с радостью оповещу об этом Верховного Властителя. Лино будет доволен. Пожалуй, сегодня прекрасная ночь.

Грохнули аплодисменты, и со всех сторон понеслось: «Славься, Властитель Лино! Да здравствует Правитель Димитрий!»

Короткий жест – и крики оборвались.

Хозяин

Арвиндаля слегка

улыбнулся.

– Да, сегодняшняя ночь станет прекрасным развлечением. С чего же

мне начать?

Льдистый взгляд остановился на мне.

– Я видел, как ты смотрела на подножие божественного зверя, Ворона. Тебе не понравилось представление? Или напротив... понравилось? Может, ты станешь одной из тех, кто развлекает моих гостей? Может, вы оба станете... Пожалуй, это будет забавно. Кстати, разве вы не знаете, что невежливо являться на праздник дурно одетыми? Ваши убогие тряпки оскорбляют мой утонченный вкус. И вкус моих гостей. Не так ли?

Придворные издали дружное: «Д-а-а». Димитрий выпил вино и швырнул фужер на пол. Острые осколки впились в ногу ближайшего придворного, но тот и глазом не моргнул. Лишь постарался незаметно скользнуть в сторону, все так же услужливо улыбаясь.

Интересно, сколько фужеров разбивает Правитель за один вечер?

И почему меня так раздражает его бледная улыбка?

Димитрий удовлетворенно кивнул.

– Разденьте Ворон. И привяжите возле Единорога. Что?

Я вцепилась в свой свитер, который уже тащили вверх руки стражников. Толпа захохотала. Несмотря на сопротивление, мою сумку сорвали с плеча. Изогнувшись, я вцепилась зубами в руку стража, тот взвыл. В отличие от меня, Фрейм не дергался, лишь поднял ладони, показывая, что разденется сам. Наши взгляды встретились. И Фрейм совершенно четко сказал губами: «Не сопротивляйся».

Ну уж нет! Я не позволю этим гадам себя раздеть! По крайней мере – без боя. Хотели зрелища? Получите! Я извивалась и шипела,

кусалась и лягалась, сражаясь за каждый клочок своей одежды. В какой-то момент свитер на мне просто разрезали и остатки повисли на плечах лоскутами. А на меня накинлось сразу несколько стражей, пытаюсь избавиться от остальной одежды. Я отбивалась как могла. Ударила, укусила, лягнула! Рука наткнулась на острый осколок от фужера. И я тут же воткнула его в чью-то ладонь, пытающуюся стащить с меня штаны! Страж зарычал, кинулся снова, но... отлетел в сторону. Я села и потрясла головой. Мой свитер стал похож на дырявую тряпку, ботинки исчезли. Но штаны по-прежнему были на мне! Пучок волос развалился, и яркие пряди укрыли плечи и спину.

Стражи разошлись. Надо мной возвышался Димитрий. Бледные пальцы с длинными и острыми ногтями держали ножку очередного фужера.

– Интересно... – протянул он.

Я медленно поднялась, сжимая свое холодное оружие.

– Злая Ворона. Тебя стоило назвать дикой кошкой. – Правитель смотрел на меня в упор. И стоял слишком близко. Непохоже, чтобы осколок в моей руке его хоть сколько-нибудь напугал. – За что ты так яростно сражалась, отступница? За право остаться в своих грязных штанах?

Придворные дружно расхохотались.

– Или ты стыдишься своего обнаженного тела? Какая странная Ворона

залетела в нашу клетку, не так ли?

И снова услужливый хохот. Я слегка повернула голову. Фрейм по-прежнему был в своей одежде – и в отличие от меня чертов Коготь выглядел целым и невредимым. Похоже, стражи сосредоточились именно на моем раздевании.

Нахмурившись, я снова повернула голову к Димитрию. Тот рассматривал меня, не моргая. Алмазные грани на его лице сверкали, не

давая толком понять, что прячется в глазах Правителя.

– В Арвиндале все делают то, что я захочу, – скучающим тоном протянул Димитрий. – Все и всегда. Это мое Королевство и мой город. А я ненавижу, когда мне перечат. За подобное я отправляю в ледяные лабиринты

или подвешиваю на пиках.

Он перевел бледный взгляд с меня на придворных. И вдруг указал на ближайшую напудренную даму.

– Разденься.

Женщина слегка побледнела, но, торопливо кивнув, принялась стаскивать

с себя бархатное платье.

Правитель указал на ее спутника.

– И ты. Ты, ты, ты. Все! Раздевайтесь! Живо!

Зазвенели на кафтанах золотые пряжки, зашуршали драгоценные пояса. Бледнея или багровея, придворные стаскивали с себя одежду.

– Вот видишь, Ворона, – снова вернулся ко мне взгляд бледных глаз и Дмитрий улыбнулся. – Раздеться перед своим Правителем совершенно не страшно. Так сделает каждый, если я повелю. Впрочем, если я велю перерезать себе горло, они сделают и это. Это называется

– власть. Именно ее собирается отобрать Сопротивление, не так ли?

Он подошел совсем близко. словно и не замечал осколок, который я все еще сжимала в ладони. Странно, что его не замечали и стражи. Никто не пытался отобрать у меня это оружие. А ведь стоит мне взмахнуть рукой, и я смогу перерезать Правителю горло!

Или... нет?

Почему Дмитрий совсем меня не боится?

– Ты тоже хочешь играть людьми? Живые игрушки всегда интереснее мертвых. Ведь так?

– Ты просто... да ты просто отвратительный! – не сдержалась я. Дмитрий вдруг откинул голову и расхохотался.

– Я – совершенный, – высокомерно бросил он. – А ты начинаешь меня раздражать, Ворона! Но я лишь начал развлекаться, не переживай, ты насладишься сполна. И сними уже эти тряпки.

Вокруг меня шуршали снимаемые одежды. Но я смотрела лишь на

Правителя. Он откровенно забавлялся. Моей злостью, своей вседозволенностью. Очень захотелось воткнуть осколок в это улыбающееся лицо. Я даже сильнее сжала пальцы, но тут прозвучал голос Фрейма.

– Хватит.

Дмитрий удивленно поднял светлые брови и обернулся. Кажется, он вообще забыл, что, кроме меня, здесь находится еще и лидер Сопротивления Коготь!

– Ты мне приказываешь? Мне, своему Правителю? Это

становится все интереснее. Думаю, для начала я велю отрезать твое ухо. Правое. Или левое? Как ты считаешь? Потом отрублю пальцы и вырву

твой язык.

– Хватит, – повторил Фрейм. – Мои уши останутся при мне. Как и остальные части тела.

Не спуская взгляда с лица Дмитрия, Фрейм властно протянул руку. И слуга покорно вложил в нее фужер с вином. И тут же охнул, опомнившись,

шарахнулся испуганно в сторону.

Дмитрий широко раскрыл глаза, алмазы на его скулах замерцали. Похоже, лишь сейчас король Арвиндаля поверил в то, что парень, стоящий

перед ним, действительно лидер Ворон.

– И почему же ты в этом так уверен, уже-почти-труп? – растягивая слова,

спросил он.

– Я знаю один секрет. – Фрейм сделал глоток вина, поморщился и отдал фужер изумленному слуге. – Очень важный секрет.

– Что ты можешь знать, червяк? – Дмитрий рассмеялся, но осекся, когда Фрейм тихо произнес:

– Я знаю, как отменить уже исполненное желание.

Дмитрий, король Арвиндаля, принц звезд и теней, хранитель Королевства Ночи и Грез, побледнел так, что стал похож на мертвеца. Очередной бокал он с хрустом смял в ладони, но кажется – даже не заметил этого. Не отрываясь, Дмитрий смотрел на Когтя. А тот – на Правителя. Как всегда – невозмутимо.

Я тоже застыла. Я даже перестала дышать.

Отменить желание? Разве это возможно? А что, если... если это поможет отменить любое желание? Даже то, которое загадал Лино? Даже...

Забвение?

Властитель Арвиндаля вдруг дернул головой, повернулся к придворным и заорал:

– Пошли вон! Все! Убирайтесь!

Мужчины и женщины в разной степени раздетости застыли. И понеслись прочь, придерживая расстегнутые штаны и платья. Обнаженные танцоры с пьедестала неспешно двинулись следом. На бегство полуголых придворных они взирали с явным удовольствием.

Стражники несколько обескураженно топтались на месте и переглядывались, пока Правитель и им не указал на дверь.

Я проводила их удивленным взглядом. Неужели Димитрий не боится оставаться с нами наедине?

Фрейм подобрал широкий белый палантин и, не глядя, сунул мне в руки. И меня почему-то сильно удивил этот поступок. Он как-то

совершенно не вязался с этим парнем.

Я укрылась тканью и подобрала свою сумку, к счастью, она все еще валялась рядом.

– Ты врешь, – в опустевшем зале голос Димитрия показался слишком глухим. – Исполненное желание невозможно отменить, сколько ни пытайся. Таков четвертый закон Лино. Заказчик несет полную ответственность за то, что свершилось, потому что это навсегда.

И возврату не подлежит.

– Существует лазейка. Два года назад отряд Сопротивления скрывался от ищеек в разрушенном городе гиблой эпохи. Они заняли одно

из уцелевших зданий...

– Крысы, которых давно следует уничтожить! – не сдержавшись, рявкнул

Димитрий.

– Мои люди провели в том доме несколько дней, а когда замерзли и попытались согреться, принялись жечь бумаги. Среди мусора они нашли огрызок письма. В нем говорилось о возможности отмены. Командир отряда Сопротивления догадался привезти эту бумагу мне.

Фрейм замолчал, и Димитрий угрожающе сузил глаза.

– Дальше! Говори – или я прикажу выпотрошить тебя как рыбу.

– Тогда ты ничего не узнаешь. – Коготь пожал плечами. – Командир отряда потратил свое единственное заветное желание, чтобы сохранить тайну. Я могу сказать добровольно. Но если кто-то попытается выманить сведения силой, воспоминание исчезнет из моей головы. Навсегда.

– Почему я должен тебе верить, Ворона?

– Это письмо было подписано одним словом: Летописец. И адресовано Зверю.

Я затаила дыхание. Фрейм говорил едва слышно, и все равно магия тайных имен Основателей прокатилась по тронному залу сквозняком. Меня пробрала дрожь, кончики пальцев закололо. Сколько

вопросов хотелось задать! Но я заставила себя стоять тихо.

Димитрий глубоко вздохнул. Сжал кулаки, и они неприятно хрустнули, словно сломался очередной хрустальный бокал. Даже мне было ясно, как сильно Правителю хочется нас раздавить. Пожалуй, он даже не стал бы звать стражу, а с удовольствием сделал это сам. На виске Правителя бешено пульсировала набухшая голубая вена,

выдавая его волнение. Но король Арвиндаля лишь высокомерно поднял

светлую бровь.

– И чего же ты хочешь, Ворона?

– Для начала отдохнуть и поужинать. Вели проводить нас в покои, мы

устали. Поговорим утром.

Димитрий некоторое время стоял неподвижно, сверля Фрейма глазами. Правитель и Коготь оказались одного роста и похожего телосложения. Я сделала шаг назад, глядя на них. Один – совершенно красивый, сияющий алмазными гранями, бледный и откровенно взбешенный. Второй – в растянутом старом свитере, растрепанный, грязный и с разбитой губой.

Казалось, еще мгновение – и эти двое бросятся друг на друга. Резко отвернувшись, Димитрий поднял со столика колокольчик,

звякнул – и откуда-то сбоку тут же выскочили слуги. Лицо Правителя снова

стало скучающим.

– Проводите наших гостей в покои, – равнодушно, словно это ничего для него не значило, махнул рукой Димитрий. – И принесите мне еще вина. Это было отвратительным.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора:

<https://www.litres.ru/marina-surzhevskaya-22364624/orden-lino-era-ispolneniya-zhelaniy/>